Евгений Константинов

КАБАНЬЕ УРОЧИЩЕ

Евгений Михайлович Константинов

Кабанье урочище

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6181212

Аннотация

После загадочного катаклизма в заповеднике «Кабанье урочище» мутировавшие звери и рыбы стали смертельно опасны для людей. Несмотря на это заповедник становится популярным среди охотников и рыболовов. Более того, на водоемах урочища устраиваются экстремальные соревнования среди мастеров рыбалки. Участников ждет каскад приключений, связанных с риском для жизни, ведь против них ополчилась сама Природа.

Содержание

Пролог 4
Глава первая 5
Глава вторая 9
Глава третья 12
Глава четвертая 17
Глава пятая 25
Глава шестая 34
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Евгений Константинов
Кабанье урочище

Пролог

– Люсьен, может, не стоит рисковать!

– Боишься за меня?

– Очень боюсь, миленькая. Кто знает этих добряков. У них зубищи, – цапнут, мало не покажется.

– Ерунда. Что бобер может сделать человеку. Тем более, человеку с таким стволом, – Люсьен передернула затвор автоматической винтовки.

– Вспомни Мельника, которому белка всю морду когтями располосовала.

– Вот только не надо сейчас про этого мужлана шрамообразного, а то приревную.

– Какая ревность, Люсьен! Ты у меня одна.

– Ты у меня тоже одна. Поэтому остаешься здесь и следишь за водой до тех пор, пока я не переползу на вон тот бугорок, самый крайний.

– Называй вещи своими именами, миленькая. Не бугорки это, а хатки, боровые хатки. И кто знает, сколько добряков там может оказаться.

– Нам нужен всего лишь один, но живой. Значит, стреляй только в крайнем случае. Все, давай, – Люсьен потянулась к подруге, и они чмокнули друг друга в губы. И еще раз, и еще.

При этом и та, и другая не выпускали из рук автоматические винтовки. Наверное, вовремя вспомнив про них, девушки оторвались друг от друга. Одна осталась на бугорке, держа палец на спусковом крючке, приготовившись в любую секунду на него нажать, другая поползла вперед – к точно такому же бугорку, находившемуся у самого уреза воды. Помимо винтовки, у Люсьен имелся еще и специальный пистолет, выстреливающий очень прочной капроновой сетью, в которую она собиралась поймать одного из обитавших в заповеднике бобров. Им должен был стать взрослый самец. Здешние ученые обещали добытчицам за этот трофей неплохие деньги. Работа казалась не столько опасной, сколько необычной. К сожалению, так только казалось.

Когда Люсьен забралась на вершину самого близкого к воде бугорка, то есть, на вершину бобровой хатки, та вдруг провалилась под ее весом, и девушка мгновенно исчезла из поля зрения наблюдавшей за ней подруги.

Подруга вскочила, вскинув винтовку, но кто-то дернул ее за ногу, и она упала. Перед лицом появилась морда здоровенного бобра с оскаленной пастью. Огромные темно-желтые зубы приблизились к ее носу, но не укусили. Она была вынуждена выпустить из рук оружие, замереть и не двигаться. И тут же почувствовала, как чьи-то мокрые, холодные, липкие лапы начали безжалостно рвать на ней одежду, а потом что-то отвратительное вошло в нее, заставив завизжать во весь голос от ужаса происходящего.

Глава первая
Хозяин базы «Граничная»

Хлопнула входная дверь, и Петр Васильевич Нешпаев оторвался от созерцания вялотекущей реки. Поморщился не столько из-за резанувшей боли в правом запястье, но скорее от нежелания сейчас с кем-либо общаться.

На самом деле никакого запястья и вообще правой руки до середины предплечья у него не было – лишился во время рыбалки в заповеднике. Руки не было, зато боль возникала постоянно: то создавалось впечатление, что ноют суставы в пальцах, которых не было, то словно что-то сплющивало отсутствующий локоть… И от осознания, что болит давно уже несуществующее, становилось вдвойне обидно.

Судя по раздавшимся в прихожей звукам, кто-то к нему наведался и, скорее всего, по делу. Петр Васильевич все еще оставался хозяином рыболовной базы «Граничная» и арендатором угодий, простиравшихся на несколько километров вглубь заповедника под названием «Кабанье урочище». Гостем мог быть либо очередной турист, либо знакомый егерь, либо потенциальный покупатель базы.

С покупателем Петр Васильевич все-таки нашел бы силы поговорить. Без руки, ему, заядлому рыболову и опытнейшему егерю, нахождение на базе с каждым днем становились все былое невыносимым, он мечтал продать свои владения и обо всем, что связано с ними и заповедником, забыть…

– Привет, Ношпа! Не ожидал?

– Гараж? – Петр Васильевич вскочил, толкнув стол, пустой стакан упал, покатился, и он схватил его. Хорошо, что початая бутылка стояла на подоконнике.

Хозяин базы не просто не ожидал увидеть старого приятеля Геннадия Белова, – глядя на него, подумал, что спит.

– Гараж! – закричал он, надеясь проснуться. – Живой?

– Жив и невредим! – радостный Белов протянул руки и пощелкал пальцами. – Выпить-то нальешь, Ношпа?

– Конечно, конечно, – Петр Васильевич со стуком поставил стакан на стол, опрокинул в него горлышко бутылки и наполнил по самый край. – Да ты садись, Гараж, садись.

Рваная, грязная одежда висела на Белове лохмотьями, один сапог отсутствовал, из вещей – лишь рыбацкая сумка через плечо… Внешне егерь соответствовал одежде, и воняло от него неслабо, но похоже, гостя это ничуть не смущало. Да и Петра Васильевича вид Гаража не напрягал, – ему самому пару раз доводилось в таком же виде возвращаться из заповедника. И точно так же он предпочитал первым делом опрокинуть в себя полный стакан водки и только затем позволить расслабиться.

Гараж пил неторопливо, зажмурившись, наслаждаясь каждым глотком. Петр Васильевич пил вместе с ним, но из горлышка бутылки и глаза не закрывал, а вовсю пялился на руку егеря, сжимавшую стакан. Руку, у которой должна была отсутствовать, как минимум кисть. Потому что Гараж потерял ее одновременно с ним, когда Петр Васильевич лишился почти всей своей правой руки. А еще помимо кисти в те же самые короткие мгновения его товарищ по несчастью потерял левую ногу, чуть ниже колена…

– Что, Ношпа, глазам своим не веришь? – Белов покрутил стакан пальцами, которых у него не должно было быть. – А ведь не брось ты меня тогда, глядишь, и у самого рука полностью восстановилась бы. Хотя, возможно, не все еще потеряно. Для твоей руки, я имею в виду…

– Ты на что намекаешь? – голос хозяина базы дрогнул.

– Да есть у меня кое-что, – похлопал Гараж по своей сумке. – Кое-что настолько ценное… – он осекся, глаза превратились в две узкие щелки:

– Что о нем… о ней никто посторонний знать не должен!

– Может, еще выпьешь? – предложил Петр Васильевич. Он бросил взгляд в окно, спиной к которому сидел гость, и увидел двух мужчин, приближавшихся к дому со стороны поселка. Как же они не вовремя!

– Наливай! И закуску тащи, – выпитые двести граммов уже начали действовать. – Угощай, Ношпа, не пожалеешь, клянусь моим ржавым гаражом!

– Тогда пойдем на кухню. Там и водка в холодильнике, и закуска, и вообще – чего нам в кабинете-то сидеть.

– Пойдем, – Гараж поднялся, слегка покачнувшись. – Ты, кстати, обратил внимание на мою ноженьку? Как новенькая, а?

– Да обратил, обратил. Расскажешь, как такое чудо могло произойти?

– Ха! Может, расскажу, а может, и нет, клянусь моим ржавым гаражом…

Они прошли на кухню, Петр Васильевич торопливо прикрыл дверь, подскочил к холодильнику.

– Гараж, помоги на стол накрыть, а то мне с одной рукой… сам понимаешь.

– Да уж, как не понять, – егерь первым делом достал их холодильника и выставил на стол бутылку водки и две банки пива. Вновь сунулся в холодильник, выбирая, чем бы закусить.

Тем временем Нешпаев открыл дверцу шкафчика, но вместо стаканов и тарелок достал медицинскую колбу, вытащил зубами резиновую пробку, затем взял пинцет и, опустив его в горлышко, извлек наружу извивающуюся пиявку перламутрового цвета. Гараж все еще копошился в холодильнике, когда хозяин дома поднес пиявку к его давно не мытой шее и разжал пинцет. Егерь вздрогнул, потянул руку, чтобы сбросить с себя что-то противно-скользкое, но Нешпаев сжал его пальцы, которые сразу стали какими-то гуттаперчевыми. Гараж обмяк, ноги подкосились, Петр Васильевич, не без труда его поддерживая, опустил на пол.

Пиявка, присосавшаяся к шее человека и впрыснувшая в ранку сок, тут же поменяла свой цвет на грязно-белый, только вяло пошевеливающийся кончик хвоста остался перламутровым. Петр Васильевич прижал его пинцетом и неторопливо потянул на себя. В доме послышались шаги, кто-то позвал хозяина, но тот не торопился, лишь крикнул, чтобы его подождали минутку.

После того, как пиявка, наконец-то оторвалась от жертвы и была помещена обратно в колбу, а та – в шкафчик, Нешпаев, оставил на полу парализованного егеря и, словно ничего не случилось, предстал перед новыми гостями. Одного – толстенького мужичка неопределенного возраста видел впервые, другого – вертлявого, щербатого с копной пшеничных волос и топорщившимися усами такого же цвета, егеря по прозвищу Гэдульдихт знал давно.

– О! Дядя Петь, а чего это ты такую грязищу на полу развел? – кивнул тот на оставленные Гаражом следы.

– Не я, Гэдульдихт, а такие, как ты грязь наносят…

– Как здоровьеце-то, дядя Петь?

– Живу, – хмуро ответил хозяин. – А ты нового клиента привел?

– Вот, познакомься, с господином Карповым Игорем Константиновичем, – Гэдульдихт подтолкнул в спину мужичка.

Тот шагнул вперед, собираясь поздороваться, но увидел пустой рукав рубашки хозяина, заправленный в брюки, и запнулся, не зная, куда девать руки.

– Кого мечтаете поймать, Игорь Константинович? – поинтересовался Петр Васильевич. – Если рассчитываете на мирную рыбу, соответствующую вашей фамилии, так это не

по адресу. В заповеднике – сплошь хищники, и большинство из них смертельно опасны для человека.

– Хищника! Конечно же, хищника! – на лбу Карпова выступили капельки пота. – Вот такого, а еще лучше – вот такого! – он показал на висевшие на стене цветные фото не совсем обычных рыб.

– Гэдульдихт, ты клиента во все детали предстоящей рыбалки посвятил?

– Господин Карпов инструкции лучше, чем мы с тобой вызубрил.

– Вот и ладненько, – Петр Васильевич сел за письменный стол и придвинул к себе две стопки квитанций. Гостям присесть не предложил, надеясь побыстрей от них отделаться. – Главное, чтобы вы, Игорь Константинович, отдавали себе отчет, что, отправляясь в заповедник Кабанье урочище, немало рискуете своим здоровьем и даже жизнью. Впрочем, все это оговорено в страховочном полисе. Мое же дело на данном этапе выписать вам лицензию на право ловли рыбы. Какую вам хочется поймать?

– Мне… э-э-э, господин Гэдульдихт говорил…

– До сих пор не решили? – Нешпаев бросил недовольный взгляд на егеря.

– Обычное дело, дядя Петь, – расплылся тот в улыбке. – Господину Карпову, как и всем новичкам, хочется сразу всего да побольше, да покрупнее.

– Сразу и всего – не получится! – отрезал Петр Васильевич. – Короче. На сегодняшний день действительны две категории лицензий, утвержденные КИЗом, то есть, Комитетом Ихтиологии Заповедника. Первая категория – так называемая «поймал – изъял», дает право на вылов одной рыбины конкретного вида. К примеру: многошилки, толстогубого голавля, огненной лисицы и так далее… и изъятия ее с целью изготовления высокохудожественных фото с трофеем, тщательных замеров и последующей передачи ихтиологам, которые частично возмещают расходы на лицензию.

Вторая категория лицензий – «поймал – отпустил», подразумевает ловлю любой рыбы с условием, что после короткой фотосессии без всяких замеров и проволочек она отпускается обратно в водоем. Отпускается в живом виде, если рыба подохнет, пока вы будете с ней позировать, на клиента налагаются штрафные санкции. Но! Если егерь сочтет эту рыбу неизвестной, либо интересной нашим ихтиологам, он имеет право ее изъять и передать на изучение в КИЗ, за что вместе с клиентом получит премиальные.

Разовая лицензия выдается на ловлю в конкретном секторе заповедника, за нарушение границ которого несет ответственность егерь. Он же несет ответственность за здоровье и жизнь клиента в соответствии с егерским кодексом. Итак, Игорь Константинович, какую категорию лицензий выбираете?

– Видите ли, господин э-э-э…

– Можете называть меня Петр Васильевич.

– Хорошо. Видите ли, Петр Васильевич, я бы желал приобрести и то, и другое…

– Невозможно.

– Понимаете, я хочу привезти домой побольше фото, доказывающих, каких трофейных, экзотических рыбин мне удалось поймать. Возможно ли, приобрести в категории «поймал – изъял» лицензии сразу на несколько рыб? Денег у меня хватит.

– Гэдульдихт, я не понял! – возмутился Петр Васильевич. – Ты просвещал клиента или нет?

– Дядя Петь, – пожал плечами тот, – господин Карпов желает потратить собственные деньги, почему мы должны этому препятствовать?

– А господин Карпов понимает, что, рассчитывая поймать за одну рыбалку два или даже три редких трофея, бегая с озера на речку, с речки – на старицу, он может вообще остаться с нулем?

– Я все понимаю, Петр Васильевич, – толстяк суетливо достал золотистую кредитную карточку. – Сколько я должен заплатить за лицензию, к примеру, на вылов огненной лисицы?

Нешпаев бросил взгляд на Гэдульдихта, тот, радостно улыбался и энергично кивал, мол, чем больше клиент раскошелится, тем лучше и для тебя, и для меня.

– Вот, считайте сами, – Петр Васильевич протянул Карпову прейскурант, – а я пока начну выписывать лицензии. Надеюсь, их все-таки будет не больше двух?

На самом деле, именно такие клиенты, как господин Карпов, то есть самые настоящие профаны в рыбалке, не знающие, куда девать деньги, считались и для егерей, и для хозяина базы «Граничная» наиболее выгодными. В другой раз подобному клиенту Петр Васильевич так бы запудрил мозги, что тот для начала арендовал бы номер не в поселковой гостинице, а в одном из коттеджей на его базе и не на одни сутки, а на неделю и даже больше. После чего егерь расписал бы все прелести ловли каждой рыбины, внесенной в прейскурант, да так, что возникший у Карпова азарт заставил бы забыть его о таком пустяке, как финансовые расходы, ну и тому подобное…

Но сейчас потенциальные барыши волновали Нешпаева в последнюю очередь. Необходимо было как можно быстрее избавиться и от клиента, и от докучливого Гэдульдихта. В итоге пришлось выписать три лицензии на право вылова огненной лисицы, многошилки и толстогубого голавля в соответствующих секторах заповедника в течение завтрашнего дня с восьми утра до девяти вечера.

Петр Васильевич был уверен, что вместо трех рыбин клиент поймает только одну. Зависеть это будет не от того, хороший или плохой рыболов господин Карпов, а всецело от егеря. И если в самых ближних и спокойных секторах заповедника с ними не случится каких-нибудь неприятностей, то завтра вечером Гэдульдихт вновь приведет господина Карпова на базу за новыми лицензиями. Пускай приводит.

Гости ушли, и Петр Васильевич, заперев входную дверь, поспешил на кухню. Гараж все так же валялся на полу. Петр Васильевич не без труда вытащил из-под давнего приятеля рыбацкую сумку, положил на стол, расстегнул молнию. В нос ударил запах тухлятины. Что же такого ценного могло там быть? Он хорошо знал Генку Белова – тот никогда не хвастал попусту, даже размеры пойманных рыб не завышал, что присуще многим рыбакам. Задержав дыхание, Петр Васильевич вынул из сумки что-то, завернутое в целлофановый пакет, как можно быстрее его развернул и тут же брезгливо отстранился – «ценностью» оказалась полуразложившаяся, жутко воняющая рыбина…

Глава вторая
Заманчивое предложение

– Лёва, Паша, вас срочно Сергей Олегович к себе вызывает, – доложила секретарша Танечка.

– Меня-то зачем? – Павел удивленно посмотрел на главного редактора.

– Понятия не имею, – пожал плечами Лёва. – Пойдем, раз шеф требует срочно, значит надо срочно.

Это и в самом деле казалось странным. Обычно начальник отдела периодики, вызывал только Лёву, остальные сотрудники газеты «Знатный рыболов» для него, словно бы и не существовали. Павел и видел-то Сергея Олеговича считанные разы, – повстречайся с ним где-нибудь на улице, вряд ли бы узнал в ничем особо не примечательном человеке своего работодателя. Кое-что стало понятно, когда начальник представил главному редактору газеты и его заместителю своего посетителя. Впрочем, в представлении тот не нуждался, в свое время Лёве и Павлу доводилось встречаться с Петром Васильевичем Нешпаевым на рыболовных соревнованиях.

– Дядя Петь! Где руку-то потерял – щука откусила? – бодро поинтересовался Лёва.

– Хуже, – хмыкнул тот.

– Говорят, ты начальником какой-то элитной базы стал? – вспомнил Павел. – Рядом с каким-то крутым заповедником?

– Правду говорят…

– Так, – обратил на себя внимание Сергей Олегович. – Господин Нешпаев пришел в нашу газету с интересным предложением, которое сейчас сам и озвучит.

– «Кубок мастеров». Соревнования по ловле хищной рыбы. Личный зачет. Победитель получает триста тысяч, – лаконично начал Петр Васильевич.

– Триста тысяч чего? – уточнил Лёва.

– Долларов, конечно, – усмехнулся Нешпаев и продолжил:

– Участвуют всего шесть самых известных спортсменов страны. Марафон. Шесть туров – с понедельника по субботу. Старт каждого тура в десять утра, финиш – в восемнадцать. Поясняю, – кивнул Петр Васильевич собравшемуся что-то спросить Павлу.

– Каждый спортсмен войдет в заповедник в сопровождении персонального егеря, в обязанностях которого – опека своего клиента в течение всех шести суток. А именно: контроль за соблюдением правил соревнований, замер, фотографирование и учет выловленной рыбы, связь с главным судьей, обеспечение безопасности в экстремальных ситуациях во время передвижения по заповеднику и непосредственно во время рыбалки, обеспечение питанием и относительным в полевых условиях комфортом и тому подобное.

– Рыбу разрешено ловить… – встрял Павел.

– Любыми снастями, но исключительно на искусственные насадки.

– Оригинально.

– Оригинальными станут трофеи, которые вы там поймаете. Взгляните, – Петр Васильевич выложил на стол несколько цветных фотографий.

– Мы видели этих красавцев на рыболовных сайтах в Интернете, – сказал Лёва, перебирая снимки. – Думали, фотомонтаж.

– Все это снимал лично я, – Нешпаев ткнул себя в грудь большим пальцем. – Да что я вам говорю, приедете – сами убедитесь. И поймаете…

– Почему же такая экзотика до сих пор не раскручена по полной программе? – поинтересовался Сергей Олегович.

– Первое время после своего возникновения заповедник Кабанье урочище был вообще закрыт. Его огромную территорию охраняла целая армия, и заграждало несколько рядов колючей поволоки, чтобы никто не смог проникнуть отсюда туда и тем более – оттуда сюда. Когда очень быстро выяснилось, что никто оттуда к нам в гости не спешит, ученые приступили к изучению заповедника. И сразу же столкнулись с агрессией невиданных доселе животных, словно по чьей-то наводке защищавших свою территорию.

– Животных – мутировавших? – уточнил Павел.

– Можно и так сказать. Чтобы с ними справиться понадобились опытные охотники, егеря. Я был среди первых. Но это отдельная история. Если коротко, то егеря со своей задачей справились, ученые зоологи довольно быстро обогатились невиданным с научной точки зрения материалом, а уцелевшие животные мигрировали вглубь заповедника, в труднопроходимые места, так называемые топи, которых на самом деле очень много. Туда время от времени отправляются экспедиции, но дело это слишком опасное, лично я знаю… знал несколько егерей, из этих экспедиций не вернувшихся. И таких смельчаков становится все меньше и меньше.

Зато исследованные территории заповедника государство решило сдавать в аренду, как официальным, так и частным лицам – но исключительно для организации охоты, рыбалки, туризма. И я опять же стал в числе первых арендаторов. Только в отличие от других конкурентов, занялся организацией именно экзотической рыбалки.

Конкуренты не сразу сообразили, что на туристах много денег не заработаешь, а охотникам-миллионерам – зверя подавай, которого в угодьях осталось – по пальцам пересчитать, зато экзотическая рыбалка – дело очень перспективное, а среди рыбаков тоже миллионеров хватает, которые, между прочим, мою базу знают, посещают и рыбку, какую хотят, ловят. Но пока база «Граничная» была единственной рыболовной, она считалась как бы закрытым клубом для избранных. В недалеком будущем таких баз расплодится много, и, собственно для того, чтобы база «Граничная» так и оставалась первой среди первых, я «Кубок мастеров» и устраиваю.

– Кстати, дядя Петь, призовой фонд ты учредил нормальный, а какой будет стартовый взнос с каждого участника? – спросил Лёва.

– Спортсмен, представляющий вашу газету, от стартового взноса освобождается, – объявил Петр Васильевич. – И журналист, который поедет вместе с ним также освобождается от всех расходов.

– Другими словами, предполагается некий бартер? – обратился Лёва к своему начальнику.

– Взаимовыгодный бартер, – кивнул Сергей Олегович. – О «Кубке мастеров» мы разместим в газете три статьи. За неделю до старта – интервью с участниками, затем – репортаж после третьего дня соревнований и еще через неделю – подробный отчет, что и как там все было. Если наберете достаточно материала и будет приличный фоторяд, подумаем о выпуске отдельной брошюрки что-то типа приложения к «Знатному рыболову». Тем более, если мы займем первое место.

– Сергей Олегович, вы уже решили, кто из нас будет выступать, а кто будет об этом писать? – с вызовом спросил Лёва.

– Ну, пишите-то вы оба на уровне. А кто из вас лучше ловит…

– Смею вас уверить, – вмешался Нешпаев, – ловят они оба – дай бог каждому. Знаете, сколько у них наград? Наверное, дома, свободного места нет от кубков да от всяких призов эксклюзивных. И что немаловажно – оба в спиннинге универсалы…

– Подожди, дядя Петь, – перебил Павел. – Ты, вроде, говорил, что соревнования будут по ловле хищной рыбы, но не конкретно по спиннингу.

– Это ты верно подметил! Не все же мои потенциальные клиенты спиннингисты. Кто-то, к примеру, любит нахлыстом ловить или на удочку с боковым кивком и мормышкой. У вас в заповеднике будет выбор, какую снасть использовать.

– Ты, главное, все это в Положение о соревнованиях четко пропиши, – назидательно сказал Павел.

– Это понятно и даже не обсуждается, – согласился Петр Васильевич.

– Ну, если ловить можно не только спиннингом, а разными снастями, то здесь наш Павел Евгеньич вне конкуренции. Он и должен выступать, – убедительно сказал Лёва, глядя на Сергея Олеговича. И, чтобы не продолжать дискуссию, добавил: – У Павла и соревновательный опыт громадный, да и регалий на порядок больше, чем у меня. Ну а я готов фотосессию обеспечить и красочно описать, как представитель газеты «Знатный рыболов» станет чемпионом небывалых доселе соревнований.

– Мудро, – прокомментировал Нешпаев.

– Что ж, так тому и быть! – подвел итог Сергей Олегович и обратился к Павлу. – Э-э-э… Балашов, начинай готовиться. Если вопросов больше нет…

– Минуточку, – поднял указательный палец Лёва. – Парочка серьезных вопросов.

– Так? – начальник отдела периодики встал с кресла и уперся кулаками в стол.

– Если Павел Евгеньевич Балашов, как представитель «Знатного рыболова», победит в этих, как мне думается, очень сложных и опасных соревнованиях, то кому конкретно достанется приз?

– Как кому?! – вскипел Сергей Олегович. – Конечно же, приз перейдет в фонд редакции газеты. В которой он работает, которая его…

– Нет, – перебил главный редактор этой самой газеты. – Я слишком хорошо знаю, что такое соревнования по ловле рыбы. Знаю, каким расходом энергии, какими кровью и потом завоевывается каждая несчастная медалька. И если чемпионом станет Павел, а лично я в этом не сомневаюсь, то все деньги должны достаться только ему.

– Я согласен на фифти-фифти, – подал голос Павел.

– Так! – стукнул кулаком по столу Сергей Олегович. – Торговаться?

– Подождите! – сверкнул глазами Лёва. – Спортсмен, если победит, получит заслуженное вознаграждение, а журналист, который будет освещать эти знаковые, серьезные и очень опасные соревнования, получит повышенный гонорар. Да, Сергей Олегович?

Директор набрал полную грудь воздуха, шумно выдохнул и обратился к Петру Васильевичу:

– Господин Нешпаев, эти вопросы, касаются внутренних дел редакции. Ваше предложение мы принимаем, «Знатный рыболов» выставляет на соревнования своего спортсмена и журналиста, мероприятие будет широко и качественно освещаться на страницах нашего издания. Более того, я сам прибуду на место соревнований, как наблюдатель. И, конечно же, сделаю ставку. Вы же не упустите такой возможности, чтобы устроить тотализатор, ха-ха-ха! Желаете, добавить еще что-нибудь?

– С Положением о «Кубке мастеров», составом участников и с остальными деталями вы ознакомитесь в ближайшие день-два. Желаю удачи, господа, – сказал устроитель эксклюзивных соревнований и, не подавая для прощания руки, но, кивнув каждому по отдельности, покинул кабинет.

Глава третья
Шестерка мастеров

– Лёва, а не многовато ли ты на себя берешь? – возопил директор отдела периодики, сразу после того, как за господином Нешпаевым закрылась дверь. – Распоряжаешься призовым фондом, сам себе увеличиваешь гонорар!

– Сергей Олегович, – поднялся со своего места главный редактор «Знатного рыболова». – Для начала, призовым фондом еще завладеть надо. Причем, потребуется не просто обловить пятерых сильнейших из самых сильных и опытных спортсменов страны, но еще и на финиш вернуться живым и невредимым. Думаете, там, в этом Кабаньем урочище все так легко и просто? Думаете, мы с Павлом такие лохи, что до нас слухи об этом заповеднике не доходят? Очень, я вам скажу, нехорошие слухи доходят. Даже страшные!

– Так, так, теперь поподробней, пожалуйста. Только сперва… – Сергей Олегович взял на себя труд выйти из-за стола, достал из шкафа графинчик, по всей видимости, с коньяком и три рюмочки, которые аккуратно наполнил до краев. – Сперва, давайте все-таки выпьем за наш дружный коллектив, за «Знатного рыболова»!

– А закусить? – Ничтоже сумняшеся, посмотрел в глаза начальнику Лёва.

– Вот за что я тебя, Лёва, уважаю… – Сергей Олегович одним глотком опустошил рюмку, – за то, что палец тебе в рот не клади…

– Ага, откушу по самое-самое, – по примеру работодателя Лёва, а за ним и Павел выпили коньяк, не закусывая.

– Примерно так, как господину Нешпаеву какая-то подводная тварь руку оттяпала, – добавил Лёва.

– Да ладно тебе, какая-такая может быть тварь? – Сергей Олегович сел, вновь наполнил рюмки и вытащил откуда-то из-под крышки стола коробку шоколадных конфет.

– Не знаю. Но говорят, что однажды ушел Петр Васильевич в заповедник здоровым, а вернулся калекой. А Геннадий Белов по прозвищу Гараж так и вовсе сгинул. И сгинул не он один.

– И кто же такие слухи распускает?

– Лично мне Какуев рассказывал.

– Это тот, который на конкурирующее издание работает? Ты, вроде, говорил, что он уродец, каких свет не видывал.

– Он самый. Какуев в том заповеднике побывал, но, рассказывает, что ничего не поймал, что егеря там сплошная мутная пьянь. Он даже писать о той поездке не стал…

– Откуда же взялись эти рыбки? – кивнул Сергей Олегович на оставленные директором базы «Граничная» фотоснимки.

– Я уверен, что рыбки настоящие, – сказал Павел. – Нешпаев, конечно, человек не простой, но зачем ему врать. Тем более так подставляться, устраивая соревнования. Какуев же – известный брехун.

– Так, хорошо, вернемся к нашим финансам…

– Да. Очень даже хорошо, что Нешпаев пришел в нашу газету, а не к конкурентам, – сказал Лёва. – Потому что мы не только будем освещать соревнования, но еще и разместим рекламу тех фирм, от которых будут выступать спортсмены. А это для нас приличный куш.

– Верно! – радостно потер руки Сергей Олегович. – А какие фирмы?

– Точно сказать не могу. Я просто знаю, что все известные спортсмены давно уже либо работают в крутых рыболовных фирмах, либо ими ангажированы. Ловят исключительно снастями этих фирм, выступают на соревнованиях в форме с соответствующими логоти-

пами. Для любой фирмы очень престижно иметь в друзьях, к примеру, Макса Максименко или нашего Павла. Кстати, Сергей Олегович, под «Кубок мастеров» неплохо бы мне с Балашовым форму сварганить с логотипом газеты. И не только форму, а еще рюкзачок, сумку, тубус под снасти – все с логотипом. Затраты окупятся сторицей, поверьте…

* * *

«Такого в истории отечественного рыболовного спорта еще не случалось! В ближайший понедельник будет дан старт соревнованиям по ловле хищной рыбы – с многообещающим названием «Кубок мастеров». Соревнования эти уникальны хотя бы тем, что будут проводиться в доселе неизвестном широкому кругу рыболовов месте – на территории заповедника «Кабаньи урочища», которые изобилуют различными водоемами, и в которых водится малоизученная и даже совсем неизученная ихтиологами рыба!

Есть еще одна особенность. Длиться «Кубок мастеров» будет ровно шесть суток с ежедневным стартом, финишем, подведением итогов и определением победителя дня. Абсолютный чемпион выявится по итогам всех дней и получит приз в размере триста тысяч долларов!

И самое волнующее! В соревнованиях примут участие всего шесть спортсменов, но каждый из них настоящий мастер, настоящая звезда рыболовного спорта. Это многократные чемпионы и призеры, представляющие рыболовные торговые дома, фирмы и профильные издания, лейблы которых красуются у них на форме. Интервью с каждым их них будет помещено ниже, а сейчас представляю: Андрей Тапиров, он же – Тапир, Владислав Мохов, он же – Сфагнум, Максим Максименко, он же – Магз, Дмитрий Бокарев, он же – Волгарь, Владимир Турецкий, он же – Стамбул, Павел Балашов, он же – Змей»…

– Такая вот, мужики, получается развернутая заставка перед вашими интервью, – Лёва обвел взглядом мастеров-рыболовов, собравшихся в помещении редакции газеты «Знатный рыболов».

Через два дня всем им предстояла совместная, довольно долгая дорога в заповедник, а сегодня он пригласил старых знакомых встретиться, так сказать, на нейтральной территории, где можно было совместить приятное с полезным: во-первых, пообщаться и обсудить за рюмкой чая кое-какие дальнейшие совместные действия, во-вторых, собрать материал для того самого интервью, которое уже через день должно было красоваться на развороте его газеты.

К приходу гостей секретарша Танечка накрыла стол: выпечка, мясная нарезка, водка, для непьющих и тех, кто был за рулем, – соки, чай, кофе, печенье, зефир в шоколаде.

– Лёва, а почему вы, представляя меня, не упомянули название моей фирмы? – недовольно спросил Тапиров – самый молодой из присутствующих, включая Танечку, которая многозначительно строила ему глазки.

– Не только твою, – поддакнул Бокарев. – Нашему клубу лишняя реклама тоже не помешает.

– Уважаемые, не волнуйтесь, в своих интервью вы сами эти названия и озвучите, – Лёва демонстративно включил диктофон. – Только мне не хочется отзывать каждого интервьюируемого в сторонку и нудно задавать типичные вопросы. Предлагаю вот за этим столом откровенно поговорить, может быть, поспорить, как это частенько у нас случается, чтобы самые интересные мысли перенести на бумагу. Сами знаете, у меня это неплохо получается.

– Давайте поспорим, – потер руки Турецкий. – У меня вопросов – выше крыши. И о регламенте, каком-то непонятном, и о системе подсчета результатов, и о контроле за соблюдением правил…

– Да, регламент я бы изменил, – перекрыл начавшийся было шум Мохов. – Почему это нормальные рыболовы должны стартовать в десять утра? В это время утренняя зорька давно закончена…

– Мне кажется, что в заповеднике утренний и вечерний клев на зорьках не будет таким ярко выраженным, как в привычных для нас водоемах, – взял слово Максименко. – Другой разговор, что придется ловить днем, возможно, в жару, но разве нам привыкать.

– А почему ночью-то ловить нельзя? – возмутился Мохов. – Предлагаю поднять этот вопрос и разрешить ловить круглосуточно.

– И не спать подряд шесть суток, – усмехнулся Турецкий.

– Хочешь – спи. Хоть днем, хоть ночью – твое дело.

– Нет, Сфагнум, в этом плане ты ничего изменить не сможешь, – возразил Лёва Мохову. – Хотя бы потому, что если будешь по ночам со спиннингом бегать, то и егерь тоже должен не спать, и главный судья, и так далее…

– Кстати, по поводу егерей, – обратил на себя внимание Тапиров. – Нешпаев сказал, что егерей к нам приставит лично главный судья…

– Ну и что тебе не нравится?

– Это самое и не нравится. Мало ли, кто там у дяди Пети в прихвостнях ходит. Вон и Какуев обвинял тамошних егерей в повальном пьянстве и тому подобное. Представьте, что вам достанется в сопровождающие такой клоун, в обязанностях которого к тому же входит и забота о вашей безопасности, и придется находиться с ним бок о бок в течение шести суток. Нет, такой расклад меня не устраивает.

– Ты предлагаешь самим выбрать себе егеря? – спросил Лёва.

– А что? В Положении о соревнованиях этот пункт не прописан. Почему бы на месте не озвучить наше справедливое желание.

– Поддерживаю Тапира, – сказал молчавший до этого Павел. – Но при одном условии. Каждый из нас выберет егеря в соответствии своей оценки его профессионализма, и тот будет опекать его в первом туре. А потом, перед каждым стартом будем проводить жеребьевки, чтобы каждый день у нас был новый егерь.

– Зачем? – насупился Тапир.

– А затем, – глядя ему в глаза, ответил Павел, – чтобы ни у кого не возникло мысли, к примеру, своего егеря подкупить на все шесть дней…

– Логично, – улыбнулся Лёва.

– И очень справедливо, – согласился Бокарев.

…Они долго еще сидели в редакции «Знатного рыболова» и Лёва записал на диктофон материал ни на один газетный разворот. Ничего удивительного, – за плечами каждого спортсмена было множество соревнований, причем не, только в России, но за рубежом. Лёва и сам мог похвастать титулом чемпиона мира по спиннингу, который завоевал, ловя форель вместе с Павлом и Магом в Португалии. У Лёвы, кстати, регалий было побольше, чем у Дмитрия Бочкарева или Владимира Турецкого, хотя бы потому, что он соревновался не только летом – по спиннингу, но и зимой – по ловле рыбы на жерлицы, мормышку, на отвесную блесну и балансир.

Если бы Лёве предстояло делать ставки на то, как распределятся места в предстоящих состязаниях, то последнее место он дал бы именно Турецкому, то есть, Стамбулу. Нет, Турецкий очень даже неплохо умел ловить рыбу, но, как правило, если и побеждал, то исключительно на хорошо изученных им водоемах – другими словами, только на водохранилищах Подмосковья. Ну а если вспомнить, что именно там проводилось большинство спиннинговых соревнований, немудрено, что рейтинг у него был очень даже высок.

Вопрос в том, как Стамбул, покажет себя на абсолютно новом водоеме? Участие его в «Кубке мастеров» было финансировано крупнейшим московских рыболовным обществом,

и провал выдвигаемого спортсмена подрывал престиж не только Турецкого, но в большей степени – самого общества…

По мнению Лёвы на незнакомом водоеме гораздо лучше Стамбула должен был сориентироваться и отловить Бокарев. Нижегородский спортсмен сравнительно недавно влился в рыболовный спорт, но за его плечами имелся огромный рыбацкий опыт, и совсем не напрасно рыболовный клуб «Волгарь», который он представлял, рискнул направить на «Кубок мастеров» своего самого перспективного спортсмена.

В не меньшей, а даже в большей степени хозяева рыболовного торгового дома, который базировался в северной столице, могли рассчитывать на победу своего представителя Максима Максименко. Уж кто-кто, а Магз, исколесивший полстраны, ориентировался на незнакомых водоемах быстро и грамотно. Помимо прочих достоинств Магз умел неплохо ловить крупную рыбу, отчего и приманки обычно применял соответствующие, которые особенно могли пригодиться в заповеднике.

Единственный из шестерки мастеров, кого не ангажировали никакие фирмы, был Владислав Мохов по прозвищу Сфагнум. В отличие от будущих соперников, он не красовался в спортивных костюмах с лейблами, одет был очень просто, если не сказать – неряшливо. Но все знали, что в свое время, удачно играя на бирже, Сфагнум заработал очень много денег, потом выгодно вложил капитал в недвижимость, потом куда-то еще…

В общем, за свое участие в «Кубке мастеров» Мохов выложил деньги из собственного кармана. И победить у него был очень неплохой шанс. Хотя бы потому, что Сфагнум слыл самым выносливым спортсменом-спиннингистом. Во время соревнований, если они проходили на берегу, никогда не передвигался пешком, но бегал, сломя голову, с одного места на другое. Тактику «метания по водоему и собирания самой активной рыбы» Сфагнум применял и на соревнованиях с лодок, что не раз приносило успех. Другое дело, что частенько он слишком увлекался и, забывая про время или неправильно его рассчитывая, опаздывал на финиш, а это сводило на нет все старания Сфагнума…

Прямой противоположностью Мохова был самый молодой спортсмен Андрей Тапиров. Фактически он числился менеджером по продаже рыболовных снастей крупнейшей рыболовной фирмой в мире, на самом же деле почти все и рабочее, и свободное время Тапир проводил на водоемах, либо тестируя новинки, либо тренируясь, либо соревнуясь, либо просто ловя рыбу.

Арсеналу его рыболовных снастей мог позавидовать любой из присутствующих, то же самое касалось экипировки, даже новенький джип и катер с 50-сильным мотором были предоставлены фирмой в полное распоряжение Тапирова. Если соревнования намечались где-нибудь под Саратовом, Краснодаром и даже за рубежом он, обязательно заранее туда отправлялся на разведку и тренировку. Фирма оплачивала расходы своего фаворита, и это себя оправдывало – Тапир, несмотря на сравнительно небольшой соревновательный стаж, уже имел регалий больше, многих убеленных сединами ветеранов, и с каждым годом оттачивал свое мастерство.

И все-таки, все-таки если бы и рискнул Лёва поставить собственные деньги на победу одного из собравшихся в редакции то, не раздумывая, выбрал бы Павла Балашова. У его друга не было такого количества эксклюзивных снастей и новейших приманок, как у Тапира, он не имел возможности разъезжать по стране, как Магз, или изучить подмосковные водоемы, как Стамбул… Но Лёва бывал у Павла дома и видел, сколько завоеванных медалей развешано у него по стенам, сколько кубков расставлено по полкам. И главное, – друзья не только выступали за одну команду, но частенько выезжали просто порыбачить, и там Лёва видел и очень хорошо понимал, что умение поймать рыбу в самое разное время, в самых экстремальных условиях – у Павла в крови.

Если же учитывать, что соревноваться предстояло действительно в экстремальных условиях, то Лёва, хотя и сам считался сильнейшим спортсменом, был рад, что отправляется в заповедник всего лишь, как журналист.

Глава четвертая
Евдокимыч

– Надо доложить, тудыть вас растудыть, что раньше этой плотины не было. Текла себе речка Скорогадайка и текла. Рыбой всякой разной славилась. Весной эта рыба на нерест высоко по течению поднималась, на многие километры. И надо доложить, что икромет из года в год проходил очень хорошо, потому что не мешал никто рыбке о своем потомстве заботиться. Да-а…

Водитель микроавтобуса, Евдокимыч, встретивший спортсменов на железнодорожном вокзале, чтобы доставить на базу «Граничное», не умолкал всю дорогу. Причем, говорил он довольно громко, складывалось впечатление, что был глуховат. Хорошо хоть обращался в основном только к Сфагнуму, то ли потому, что тот расположился на соседнем с водителем сиденье, то ли потому, что был приметен отсутствием волос на голове так же, как Евдокимыч.

– И надо вам, мастера, доложить, что с одной стороны, правильно плотину возвели, причем, возвели сразу же после вспышки, – мало ли, какая мутировавшая гадость могла в верховья подняться. Но с другой стороны, оскудела Скорогадайка на рыбу. Это я говорю про речку, что выше вот этой самой плотины…

Микроавтобус как раз вынырнул из окружавших дорогу зарослей кустарника на открытое пространство, и пассажиры наконец-то смогли увидеть массивное гидросооружение высотой примерно с трехэтажный дом. Складывалось впечатление, что прямая стена плотины, наклонена вперед. Возможно, благодаря широкому желобу расположенному в центре вершины плотины и значительно из нее выступающему, по которому низвергался поток воды.

– Специально так построили, тудыть их растудыть, – не дожидаясь расспросов, пояснил Евдокимыч, – чтобы ни у какой перламутровой твари не возникло желание заповедник покинуть.

– Что-то ты, дядя краски сгущаешь, – недоверчиво усмехнулся Сфагнум, почесывая затылок. – Мутировавшая гадость, перламутровые твари…

– А вот поживешь в заповеднике шесть суток, тогда и убедишься, как я сгущаю, – Евдокимыч повторил жест пассажира. – Надо доложить, лысый, это тебе не на Рузском водохранилище окуньков да щучек ловить.

– Я не лысый, а коротко стриженый, – буркнул Сфагнум и с подозрением уставился на водителя. – А мы разве встречались на Рузе?

– Надо же, тудыть тебя растудыть! – стукнул тот ладонями по рулю. – Стоило мне после вспышки кудри растерять, сразу стал неузнаваем. А ведь ты-то, как на финиш позже всех приплывешь, так тебе все до фонаря: кто твою лодку мыть и переворачивать будет, кто весла с якорем убирать, – сунешь лодочнику в руку денежку, и был таков…

– Не узнаю, – признался Сфагнум.

– А вы, мастера, тудыть вас растудыть, узнаете? – обернулся водитель к остальным пассажирам.

– Я тебя помню, Евдокимыч, – подал голос с заднего сидения Стамбул. – Ты в «Рузском доме рыболова» лодочником работал. Мы тебя еще за кучерявость и бакенбарды Пушкиным называли.

– И я тоже помню, – сказал Павел. – Только когда ж это было-то?

– Давненько, Змей, давненько, – вновь обернулся Евдокимыч и подмигнул Павлу. – Нинель моя выросла – не узнаешь…

Павел мгновенно покраснел. Хорошо хоть все были заняты разглядыванием Скорогадайки, текущей вдоль дороги.

В последний раз, когда он виделся с дочкой лодочника, ей было лет тринадцать. Ниночка постоянно ошивалась на лодочной станции, крутилась среди рыбаков, помогала таскать весла и спасательные жилеты, а по возвращении мужчин с соревнований вместе с главным судьей взвешивала уловы, записывала результаты в протокол…

…В тот осенний день Павел в очередной раз поймал рыбы больше всех и стал чемпионом соревнований. Награждение победителей проходило на территории лодочной станции, и вручать призы поручили расторопной девочке. Павел, как чемпион, был последним, кому Ниночка вешала на шею медаль. Под всплеск аплодисментов он наклонился, подставляя шею, и без всякой задней мысли чмокнул девочку в румяную щечку, а она, ничуть не смутившись, чмокнула его в ответ.

Церемония награждения закончилась, народ стал расходиться, Павел же, отдав лодочнику своих окуней, пошел на пирс чистить пойманных щук, чтобы привезти деликатес домой в Москву. Ниночка вызвалась ему помогать: ополаскивать рыбу, убирать в пакет, перекладывать крапивой – для сохранения свежести. Он дочищал последнюю щуку, когда на небе долго надвигавшаяся черная туча, разразилась проливным дождем. До «Рузского дома рыболова» бежать не было смысла, промокли бы до нитки, на лодочной же станции укрыться можно было лишь в подсобке, где хранились весла и другие полезные для рыбалки вещи.

Смеясь, Павел и Ниночка забежали в подсобку, все равно, успев промокнуть. Будь на дворе лето – ничего страшного, но сейчас ожидание в мокрой одежде, пока закончится дождь, могло привести к плачевным последствиям. Это понимали оба, но рецепт спасения от простуды, пусть и сомнительный, предложила Ниночка.

– Змей, надо срочно выжать нашу одежду и ею растереться, – тряся головой и разбрасывая брызги с каштановых кудрей, предложила девочка и, не дожидаясь решения Павла, шустро стащила с себя через голову платье, оставшись лишь в таких же промокших трусиках.

– Давай, быстрей, – сказала она, скрутив платье и протянув один конец растерявшемуся Павлу. – Ну же, бери!

Ростом Ниночка была ему по плечи. Глядя на почти сформировавшуюся фигуру девушки, он не мог не смутиться. Тем более, после того, как Ниночка оставила в его руках выжатое платье и все так же шустро стянула с себя трусики. Чтобы тоже их выжать, помощи Павла не потребовалось.

Он бы не назвал Ниночку такой уж красавицей, да и обстоятельства не особенно располагали к оценкам внешних достоинств этого юного создания, но было в ней что-то настолько обаятельно-возбуждающее, что Павла пробила испарина.

– Ну же, Змей, разотри меня! – потребовала Ниночка, подступая к нему вплотную. – А я разотру тебя.

Павел почувствовал, как проворные девичьи пальчики проникают под пояс его спортивных штанов и начинают тянуть их вниз. В панике он оттолкнул Ниночку и бросился вон из подсобки, забыв и про свою рыбу, и про платье, которое так и не выпустил из рук. И тут же, на улице нос к носу столкнулся с отцом девушки, лодочником Евдокимычем.

Лодочник промок еще больше, чем Павел, и смотрел он на чемпиона не то чтобы со злостью или укором, скорее с жалостью.

– Дай-ка, сюда, – он вырвал у него платье и перевел взгляд на открытую дверь в подсобку. – Надо доложить, что ты далеко уже не первый и, боюсь, далеко не последний, тудыть вас всех растудыть! Так что, Змей, уезжай-ка ты, в свою Москву, а мы здесь сами во всем разберемся…

В ту минуту, несмотря на продолжавшийся дождь, Павел покраснел точно так же, как сейчас. В «Доме рыболова», что на Рузском водохранилище он появился только следующим летом и узнал, что лодочник Евдокимыч, с полгода, как там не работает – вместе со своей дочкой куда-то переехал…

– Надо вам доложить, что наконец-то добрались, – сообщил водитель, останавливая микроавтобус на асфальтированной стоянке. – Милости просим на рыболовную базу «Граничная».

Поблизости все также неторопливо несла воды Скорогадайка, параллельно ей в рядок разместились с десяток аккуратных приземистых домиков, стоянка машин примыкала к такому же бревенчатому, но двухэтажному коттеджу – судя по всему, обители хозяина базы.

– Вещички свои оставляйте здесь, чуть позже перенесем их в ваши апартаменты, когда узнаем, кто и где проживать будет, – затараторил Евдокимыч. – А сейчас прошу пожаловать в офис – так сказать, взбодриться.

На крыльце коттеджа гостей поджидал Петр Васильевич собственной персоной – в легком камуфляжном комбинезоне, пустой правый рукав которого был заткнут за поясной ремень, и в до блеска начищенных ботинках. По очереди, пожимая руку каждому, он произносил одну и ту же фразу:

– Приветствую, господа! Проходите, взбодритесь с дороги.

Стены просторной гостиной, в которую один за другим входили рыбаки, были заставлены витринами, за стеклами которых красовались разнообразные рыболовные причиндалы и к ним – ценники. Посредине комнаты на большом овальном столе в окружении стопок стоял хрустальный запотевший графин, рядышком – бутылки с пивом и минералкой, тарелки с маленькими, подрумяненными, донельзя аппетитно выглядевшими пирожками.

– Вот это по-нашему! – потер руки Павел и потянулся, было, к графину, но его опередила вынырнувшая из-за спины девица в сарафане, такой же расцветки, как и у начальника базы.

Она быстро до краев наполнила восемь стопок, с графином в руках отошла в сторонку и только после этого посмотрела в глаза Павлу и улыбнулась. Не узнать Ниночку было невозможно, разве что волосы у нее стали гораздо темнее. Павел открыл рот, не зная, что сказать, но тут на выручку пришел Петр Васильевич, поднявший стопку и предложивший выпить за приезд.

Водка оказалась холодной, а пирожки горячими и такими вкусными, что вскоре еще одна девица в камуфляжном сарафане принесла добавку, а Ниночке пришлось достать из холодильника второй графин. Впрочем, из него налили всего лишь по полстопочки – и без того взбодрились достаточно.

– Ну, что ж, господа, – наконец, призвал всех ко вниманию начальник базы. – Дальнейшие действия таковы. Сначала расселяемся. Домики у нас со всеми удобствами, двухкомнатные на двух человек…

– Я бы предпочел двухкомнатную на одного человека, – перебил Сфагнум. – За дополнительную плату, естественно.

– Пожалуйста, – не стал возражать Петр Васильевич. – Возможно, кто-то еще предпочитает жить в одиночестве? Если нет, то сами распределяйтесь по парам и через часок проходите на регистрацию ко мне в кабинет. Ужинать и вообще питаться двое суток, пока не начнутся соревнования, вы будете в местном трактире под названием «Бодрые поползновения», что в полутора километрах отсюда. Если же кто-то не захочет посетить трактир, несложно устроить, доставку пищи к нему в дом, но это тоже за отдельную плату. Напитки и к ним легкую закуску можно приобрести здесь в баре, которым заведует Нинель. Рыболовные приманки за этими витринами можно приобрести, обратившись к моей первой помощнице Хеллен.

Итак, господа, завтра перед обедом у нас запланировано непродолжительное посещение заповедника, точнее – исследовательского центра Комитета Ихтиологии Заповедника. После обеда – знакомство с егерями и подготовка снастей. Послезавтра – старт соревнований. Ну а сегодня у вас свободный день. Ужин – через два с половиной часа. Если вопросов нет – прошу на регистрацию.

* * *

– Евдокимыч! Эй, Евдокимыч, мы тебя заждались, иди сюда быстрей! – настойчиво зазывал водителя Лёва, высунувшийся из окна домика, в который заселился вместе с Павлом.

Сфагнум, как и хотел, единолично занял домик, рассчитанный на двоих, Волгарь заселился с Магзом, а Стамбул – с Тапиром. Домики оказались на редкость уютными, без напускной пышности, зато идеально подходящие рыбакам, приехавшим именно рыбачить, а не пьянствовать в комфорте круглые сутки. Окна – с видом на реку; в каждой комнате – широкая кровать, шкаф для вещей, холодильник; помимо санузла – небольшая кухонька, терраска; мебель, пусть и не дорогая, зато удобная, располагающая к полному расслаблению…

– Иду, – наконец, отозвался водитель на призывы Лёвы.

Павел вздохнул. Черт его знает, что думает о нем Евдокимыч после того случая на лодочной станции. Затаил ли обиду или не держал ее вовсе, зная характер своей беззастенчивой дочери. Все могло быть. Но в любом случае эти вопросы стоило разъяснить как можно скорее.

Лёва же, не имея понятия о терзаниях друга, пригласил Евдокимыча на «рюмку чая» не столько для того, чтобы отблагодарить за прием и поближе познакомиться, сколько с целью порасспросить о заповеднике.

– Что, мастера, тудыть вас растудыть, нормально разместились?

– Все отлично, Евдокимыч! – Довольный Лёва похлопал его по плечу. – Давай, усугубим по соточке? Что предпочитаешь – вискарь, коньяк, водочку столичного разлива?

– Надо доложить, что нам, жертвам вспышки, все-таки лучше беленькую, – Евдокимыч снял камуфляжную бейсболку и погладил лысину.

– Мы хоть и не жертвы, какой-то там вспышки, но сегодня тоже – исключительно по беленькой, – Лёва кивнул Павлу на холодильник.

Тот достал бутылку и налил в стоявшие на столе стаканы: себе с Лёвой – до половины, Евдокимычу – полный.

– Пока – не жертвы, это ты точно подметил, – Евдокимыч по очереди чокнулся с рыбаками и осушил свой стакан в три больших глотка.

– Опять на что-то намекаешь, – Лёва придвинул к водителю тарелку с закуской. – Лучше бы рассказал про заповедник, как он возник и так далее. До нас ведь только слухи доходят, а хотелось бы, так сказать, из первых уст… – и Лёва вновь наполнил стакан Евдокимыча.

– Рассказать можно, – усмехнулся тот. – Только, если подробно, то на это никаких ваших запасов огненной воды не хватит…

– Ну, во-первых, если не хватит, еще прикупим, – не отставал Лёва. – Ну, а чтобы не затягивать с сутью, подробности можно опустить. Вот ты говоришь – вспышка. А разве это не с неба что-то неопознанное рухнуло?

– Если бы с неба, я бы сказал – с неба. А то, что вспышка была изнутри земли, точнее – из воды, это я точно знаю! – твердо сказал Евдокимыч и выпил второй стакан так же быстро, как первый.

– Хочешь сказать, своими глазами видел? – поинтересовался Павел.

– А ты что, Змей, в моих словах сомневаешься? Ученые тоже сомневаются, говорят – это всего лишь одна из гипотез. Лопухи…

– Так, может, все-таки и нам расскажешь? – не отставал Лёва.

– А вот расскажу! Но при одном условии…

– Ты не бойся, водка у нас еще есть.

– Да при чем здесь водка, тудыть тебя растудыть! – отмахнулся Евдокимыч и уставился на Павла. – Мне надо, чтобы ты, Змей, правду об одном дельце сказал. Только наедине. Тебе, мастер, придется нас ненадолго оставить.

– Да я не мастер, а журналист, – сказал Лёва.

– Тем более. Вдруг еще напишешь то, чего не надо.

Хмыкнув, Лёва встал и вышел из комнаты, а затем и из дома и, демонстративно остановившись напротив окна, чтобы Павел и Евдокимыч его видели, закурил. Евдокимыч, внимательно проследив за его действиями, сам взял бутылку и разлил по стаканам остатки водки.

– Признайся, Змей, было у вас тогда чего-нибудь с Ниночкой? – спросил он без обиняков.

– Нет, конечно, – спокойно ответил Павел. – Да ты, Евдокимыч, сам посуди, – когда могло что-то быть? Я же после награждения до самого дождя щуку чистил. Кстати, так ее у вас в подсобке и оставил…

– Пойми, Змей! – перебил Евдокимыч, сжимая стакан так, что костяшки пальцев побелели. – Избил я тогда Ниночку очень сильно. До потери сознания избил! Рановато она, тудыть ее растудыть, созрела, – в бабку свою покойную пошла. А вокруг на базе рыболовной да на берегу – сплошь мужики, а среди них симпатичные встречаются, молодые, сильные, да на все руки мастера. Стала она заглядываться на красавцев, заигрывать с ними, чем дальше, тем больше. А мне ее – сторожи? Пришлось сторожить! Вот если бы тогда я вовремя не вернулся и не застал бы тебя с ее платьем в руках, чего бы случилось?

– Да выжимали мы ее платье, насквозь промокшее, вот и все. А когда она попросила меня отвернуться, чтобы выжать трусы, я вообще на улицу вышел и там с тобой столкнулся. Не было ничего у меня Ниночкой. И быть не могло. Она же тогда совсем ребенком была.

– Ребенком… Пришлось от греха этого ребенка сюда привезти. Евдокимыч уставился на Павла тяжелым взглядом, потом как бы давая понять, что поверил его словам, протянул стакан.

Чокнулись, выпили.

– Говоришь, сильно избил? – спросил Павел, закусывая.

– До сих пор простить себе не могу. А теперь, после твоих слов, еще больше вину чувствую. Думаешь, Ниночка, когда выздоровела, перестала на мужиков заглядываться? Да назло мне – еще больше! А после того, как вспышка случилась, так вообще…

– Так все-таки вспышка?

– Ладно, зови своего журналюгу. И можешь еще одну беленькую на стол выставить.

* * *

– Надо сказать, что я в этих местах родился и прожил в поселке Плосково до четырнадцати лет, пока отец, тудыть его растудыть, с матерью не развелся и не переехал вместе со мной в Подмосковье. Ну, это другая история. Змей, вон, хорошо помнит, как я в Осташово лодочником работал. Так вот, вернулся я в Плосково с родной дочуркой, когда узнал, что матушка померла, и дом может просто пропасть. Дом, правда, все равно пропал, но это было позже…

Так вот, занялся я здесь тем, чего больше всего любил и умел, то есть профессиональной рыбалкой. Другими словами, тудыть меня растудыть, ловил и продавал рыбку, которой

в Скорогадайке и местных ручьях с озерами водилось немеряно. Однажды друга погостить пригласил – Ношпу, то есть, Петра Васильевича Нешпаева. Тот как раз из органов уволился и, вроде бы, не у дел остался.

Ношпе в Плосково, само собой, понравилось, и решили мы с ним всерьез рыболовным бизнесом заняться. А будучи человеком, тудыть его растудыть, далеко не бедным, вскоре купил Ношпа здесь комнату в домишке у одной старушки древней, которая помирать собиралась. Та старушка и в самом деле вскоре отошла в мир иной, а Перт Васильевич похоронил ее честь по чести. После чего перебрался сюда на постоянное жительство, а квартиру в Москве сдавать стал каким-то там приезжим. …

– Извини, Евдокимыч, – перебил рассказчика Лёва. – Ты, когда до вспышки-то дойдешь?

– Скоро, журналюга, скоро. Давай, лучше выпьем.

– Наливаю…

– Короче! – Евдокимыч отставил опустошенный стакан. – Как только наш с Ношпой, то есть, с Петром Васильевичем рыбный бизнес в гору пошел, объявились в округе оголтелые браконьеры. Не сетевики, нет. Эти здесь всегда были, и всегда нормальный рыбак, ловивший на удочку или спиннинг, их облавливал, так что если сети вовремя снимать, вреда от них для природы никакого.

Появились электроудочники, тудыть их и еще много раз растудыть! Ну а там, где электрик со своей снастью изуверской прошел, особенно по неглубоким местам, вся живность подводная – кверху брюхом.

И ладно бы электрики меру знали, так ведь нет, взялись за это дело основательно, бригады стали образовывать: с катерами, машинами, с охраной, – чуть ли не с промышленным размахом развернулись. Никакой рыбнадзор, никакая полиция на них управу найти не могла. Территория дельты огромна – реки, протоки, старицы, озера, болота. И все это – в зарослях, порой непроходимых, как там браконьеров поймаешь! Пришлось местным жителям самим с электриками бороться – до перестрелок стало доходить…

Да ты не вздыхай, журналюга! Все, присказка закончилась, сейчас я вам сказочку, или, как говорят ученые, «гипотезу» о перламутровой вспышке расскажу.

– Налить? А то нам скоро на ужин…

– Ага… Вы сами-то, чего половините, думаете остаться полутрезвыми, а меня споить, чтобы язык развязался? Не бойся, журналюга, расскажу не больше, но и не меньше, чем того требуется. Мне ведь беленькая не столько алкоголь, сколько лекарство. И думается мне, что той ночью исключительно она нам жизни сохранила…

Мы с Ношпой, с Петром Васильевичем, то есть, решили тогда электрикам пакость подстроить. Там ведь сразу несколько бригад, чтобы между собой не конкурировать, решили объединиться и общими усилиями пробить током Лебяжье озеро – самое большое и самое рыбное в урочищах.

Кабаньи урочища с дальней от нас стороны плавно так заболоченными становятся, а с ближней – ничего, земля твердая, и подъезды есть, если на вездеходах ехать, и лагерь можно разбить, и катер на воду спустить. Только с нашей стороны глубина у самого берега огромная, зато, чем дальше, тем мельче. До этого в Лебяжьем озере никто из электриков, тудыть их растудыть, бить рыбу током не пробовал – то ли не хватало решимости замахнуться на, можно сказать, святое, то ли еще чего. А тут – сразу несколько бригад тудыть их растудыть!

Поздней осенью дело было. Со дня на день ледостав ожидался. Вот электрики и порешили: Лебяжье озеро током побить, крупную рыбу собрать, ну а мелочь, которая тоже всплывет в количестве, ледок укроет и все будет вроде бы шито-крыто. И надо сказать, если бы не мы с Ношпой, выгорело бы у них это дело, как пить дать…

– Пить? – Лёва поднял на рассказчика слегка мутноватый взор.

– Наливм… наливмай, журналюга, тудыть тебя расс… И надо сказать… Ночь была… Даже не то, чтобы ночь, поздний ноябрьский вечер, темень, все такое, да еще и дождь собирался… Мы с Ношпой, с Петром Васильевичем, то есть, поблизости от моей избушки на пригорочке в моей же машине сидели и все в сторону Лебяжьего смотрели. Ждали. Выпивали, конечно, закусывали. Ну и дождались…

Если от кого услышите, мол, прилетело небесное тело, мол, грохнулось-херокнулось… – выдуманная гипотеза… Или гипотеза – и без того выдумка?

– Предположение, – сказал Павел.

– Никакого предположения! – стукнул кулаком по столу Евдокимыч. – Своими глазами! Как только первые капли дождя с неба упали, засветилось вдруг все перламутровым светом, который от земли пошел. Не от земли – от воды, потому что центр этого свечения возник как раз в районе Лебяжьего озера. И свет этот перламутровый расширяться стал, так как волны расходятся от брошенного в воду камня. Не очень быстро так свечение расширяться стало. Но и не очень медленно. Я сразу смекнул – крандец надвигается, уматывать надо. Метнулся за Ниночкой, благо дом рядом был. А она, открыв рот, в окно смотрит на перламутр этот и меня не слышит. Я ее за руку хвать, потащил, а у нее ноги ватные. Я ее на руках – до машины дотащил. Еще бы на секунду опоздал, и Ношпа без нас бы укатил, тудыть его растудыть.

Все вокруг сильнее и сильнее стало перламутром покрываться, только не Ношпа и не я. Зато по Ниночке, которую я на руках держал, тоже свечение пошло, и волосы из ее головы выпадать начали. Не знаю, что меня толкнуло, но я взял бутылку, что мы с Ношпой допить не успели, и силой заставил Ниночку несколько глотков сделать. Беленькая мою дочь от смерти и спасла. И меня с Ношпой тоже. Ученые не верят, но по моей гипотезе, все, кто в тот вечер беленькую принимал, выжить сумели…

– А остальные, как же? Кто беленькую не принимал? – спросил Лёва, зачарованно следя за бутылкой, которую Евдокимыч по очереди подносил к стаканам.

– Остальные… – вздохнул Евдокимыч. – Мы на рассвете очнулись. Машина в кювете застряла – аккурат на том самом месте, где сейчас коттедж стоит. Как туда доехали, как вырубились – не помним, хотя и недалеко это было от моего бывшего домика. Глядим друг на друга – все волосы на головах выпали. И у Ниночки моей – тоже. Это потом брови с ресницами потихоньку выросли а тогда жутко было смотреть.

Потом огляделись – совсем обалдели. На земле и поперек Скорогадайки словно границу провели: с нашей стороны все, как раньше было – травка пожухлая, деревца, еще не до конца листву сбросившие, река, как всегда течет себе спокойненько. А буквально в полсотни шагах от нас – зима! Четко так граница выделяется – здесь травка желтенькая, дальше – все покрыто перламутровым сиянием: трава, деревья, река, словно на ней лед встал, только опять же перламутрового цвета. Никогда я такой красотищи не видел… и такой жути не испытывал…

Евдокимыч приложился к стакану и на этот раз пил долго, маленькими глоточками, словно смакуя и в то же время, кажется, засыпая.

– Так, что с остальными-то? – тронул его за плечо Лёва, отчего Евдокимыч дернулся и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Красотищей этой долго можно было любоваться. Но мы-то здесь, а дома наши – за границей перламутровой, без присмотра. Ношпа туда и пошел, как я понял, чтобы проверить, вдруг ограбили. Мы-то с Ниночкой у машины остались и прекрасно все видели. Как только Ношпа границу пересек, перламутр, тудыть его растудыть, исчезать начал. Так же как надвигался волнами, так и исчезал, словно снег таял.

И что самое главное – трава, кусты, деревья, словно от инея освобождались, а столбы телеграфные, постройки разные, то есть все, к чему человек руку приложил, таяли и никаких следов после себя не оставляли. Волна идет, а они тают. Наш с Ниночкой дом тоже под этой

отливной волной растаял. У Петра Васильича дом подальше моего стоял. Но я, как сейчас вижу – ступил он на крыльцо, а дом взял, да и словно поплыл, растворяясь. И вот уже Ношпа стоит, на том месте, где только что крыльцо было, а крыльца-то и нет, словно не было. И всего дома нет. Такая вот, господа мастера, сказочка, или по научному – гипотеза.

– И что дальше было? – спросил Павел.

– Дальше? Я вам про вспышку рассказал, а про то, что дальше, давайте-ка завтра, а то язык у меня заплетается… Да и вам на ужин пора.

– Постой, Евдокимыч, – перегнувшись через стол, удержал его за плечо Лёва. – Я одного не понял, каким образом вы с Петром Васильевичем браконьерам напакостить собирались?

– А вот это, – дернул тот плечом и поднялся из-за стола, натягивая бейсболку на лысую голову. – Это не твоего журналючьего носа дело!

Глава пятая
Трактир «Бодрые поползновения»

Несмотря на то, что в течение всего рассказа Павел не столько пил, столько пригублял, он чувствовал он себя неслабо поддавшим. Кажется, Лёва был более трезв, однако ни тот, ни другой не могли сориентироваться, какая из трех тропинок от их домика ведет к трактиру «Бодрые поползновения». Чтобы понапрасну не плутать, решили уточнить дорогу у Петра Васильевича.

Оказалось, что хозяин базы «Граничная» принимает новых гостей – овальным столом вместе с ним сидели их старые знакомые – Константин Какуев и Станислав Пашкевич. В графине оставалось на донышке, вместо горы пирожков на тарелке – лишь крошки.

– Костыль? – преувеличенно удивился Лёва. – Ты же кричал, что в этом заповеднике рыбы нет, а все егеря поголовные пьяницы! Так чего же вновь сюда пожаловал?

– У «Знатного рыболова» разве монополия на освещение соревнований? – насупился Какуев – рыжеватый мужик с кривым носом. – У нашей газеты и тираж больше, и вообще…

– Не понял? – уставился на него Петр Васильевич. – Ты тогда, в прошлое свое посещение даже границу заповедника не пересек. Почему трепешься, что рыбы нет?

– В вашей газетенке, благодаря тебе, Костыль, брехни на порядок больше, чем правды, – Лёва подошел к столу, подмигнул развалившемуся в кресле Пашкевичу и пожал протянутую руку. Павел так же поздоровался со Станиславом – седобородым крепышом с виду лет под пятьдесят, носившему очки, одна линза которых была заметно толще другой. Константина Какуева рукопожатием ни тот, ни другой не удостоили.

– На то она и рыбацкая – газета, – усмехнулся Какуев.

– Вот, Петр Васильевич! – вскричал Лёва. – Конкуренты наши ради красного словца не пожалеют и отца! Представляете, что такой бумагомарака, как Костя, который даже свой нос в заповедник не сунет, может и про базу вашу, и про соревнования написать?

– Для меня любая публикация о заповеднике и базе – реклама, значит и доход, – пробурчал Нешпаев. – Если что-то уж совсем из ряда вон выходящее сочинит, подам на газету в суд. И не важно, в чью пользу он закончится. Да вы, журналисты подобные расклады лучше меня понимаете.

– Э-эх! – махнул рукой Лёва. – Ладно. Мы с Павлом собрались дойти в «Добрые…» то есть, в «Бодрые поползновения», а дороги не знаем…

– Нинель! – позвал Петр Васильевич и кивнул появившейся на пороге девушке. – Проводи мужчин до трактира, а то еще заблудятся, и всех самых лучших егерей без них завербуют.

– А что, дядя Петь, наше предложение о самостоятельном выборе егерей возражений не встретило? – спросил Павел.

– Да какие там возражения! В любом случае, я направлю в урочище необходимых для работы людей. А вы можете выбирать, кого хотите. Только не ошибитесь…

– Пойдемте, мужчины, – позвала Нинель, и Лёва с Павлом вслед за ней покинули гостиницу.

– Девушка, вы курите? – затягиваясь сигаретой, осведомился Лёва на улице.

– Курить – здоровью вредить, – ответила она, не обернувшись. – Вот пить – здоровью помогать.

– И вы пьете?

– Если бы даже не пила, так от вашего перегара сразу бы захмелела, – Нинель была все в том же сарафане цвета хаки и босоножках. Темные вьющиеся волосы выбивались из-под бейсболки.

– Между прочим, заблудиться здесь сложно, – девушка шла быстро, не оглядываясь. – Справа – река Скорогадайка, сейчас мы по мосту ручей перейдем, который в нее втекает. Чуть ниже его впадения – граница с заповедником, которую от нас колючая проволока отделяет…

– Так серьезно? – удивился Лёва.

– Да нет. Через колючку любой ребенок перелезет. Только смысла в этом нет. Потому как почти все, что из заповедника выносится, к примеру, пойманная рыба или подстреленный зверь, сразу начинают гнить и вскоре от них только мокрое место остается.

– Так вот почему у Ношпы ни одного чучела рыбы и зверя нет, только фотки? – догадался Павел.

– Конечно, – подтвердила Нинель. – Трофей в нормальном, не испорченном состоянии только в зданиях Кабаньего урочища увидеть и потрогать можно.

– А вы видели?

– Конечно. В заповеднике сразу за контрольно-пропускным пунктом несколько исследовательских лабораторий стоит. Имеются среди них и секретные, но есть и без всяких грифов, в том числе и небольшой музейчик, в котором выставлены чучела обитателей заповедника. Правда, эти чучела тоже недолго в нормальном состоянии остаются, приходится ученым их время от времени заменять.

– Ну, и как, открыли что-нибудь ваши ученые? – спросил Павел.

– Открыли, – наконец-то оглянулась на него Нинель. – И довольно быстро сделали наши ученые глобальный вывод, что никакой реальной пользы остальному миру заповедник принести не может.

– Как это? – Павел даже остановился. – Если там такие чудеса творятся…

– Вот именно, что чудеса, никакими научными фактами не подтверждаемые.

– Что-то мне в это не верится…

– Поверится, – усмехнулась Нинель. – Шевелите ногами, господа мужчины, почти пришли.

* * *

Поинтересоваться, почему трактир имеет название «Бодрые поползновения», мужчины не успели, – в течение оставшегося пути Нинель посвящала их в правила поведения, принятые в самом популярном местном питейном заведении. Правила были просты: любой посетитель трактира, переступив его порог, тут же вносил в кассу взнос, взамен которого получал карточку, дающую право отовариться у бармена на выбор – стопкой водки, кружкой пива, либо графином морса; в еде же гость мог себя не ограничивать, и это касалось любых подаваемых в общий зал блюд. Питаться посетитель мог с открытия и до закрытия трактира, но за любую дополнительную выпивку обязан был расплатиться, прежде чем ее ему подадут.

Еще одним правилом был категоричный запрет на потасовки внутри помещения и даже на громкую ругань. Помимо немногочисленных туристов, трактир посещали охранявшие заповедник военные и подрабатывавшие на его территории егеря. И военные, и егеря имели при себе оружие, причем, на вполне законных основаниях. Чтобы это оружие не заговорило в стенах «Бодрых поползновений», трактир охраняли не типичные мордовороты-вышибалы, а мордовороты-полицейские, наделенные местными властями специальными полномочиями усмирять потенциальных дебоширов еще до того, как у тех возникнет намерение собственно подебоширить.

Если же желание помахать кулаками не пропадало, особо бойких выпроваживали на улицу, где для выяснения отношений была отведена специальная площадка. В этом случае, чтобы вернуться в трактир, приходилось вновь платить взнос.

Неизвестно, благодаря чему в «Бодрых поползновениях» вот уже несколько лет кряду не было не то чтобы ни одной перестрелки, но и ни одной сколь либо серьезной драки. Частично, конечно же, из-за серьезного полицейского контроля. Но во многом, благодаря тому, что собирались в трактире люди, в основном, давно друг друга знавшие, испытавшие вместе немало опасностей, потерявшие в заповеднике родных и общих друзей. Возможно, и потому, что подавляющее большинство завсегдатаев хорошо отдавало себе отчет, каких сюрпризов можно ждать от «Кабаньего урочища», с которым граничил трактир.

Кроме того немаловажную роль в обеспечении порядка в трактире играл и его владелец, которого все величали исключительно по имени-отчеству – Алексей Леонидович, ну а между собой – просто Монокль.

Именно он встретил Лёву и Павла на ярко освещенном крыльце «Бодрых поползновений», охраняемом двумя солидно вооруженных, очень внушительных комплекций полицейскими. По сравнению с ними Алексей Леонидович казался щуплым, если не сказать, тщедушным. Но! Такое впечатление складывалось лишь до тех пор, пока Павел не оказался с этим человеком на расстоянии вытянутой для пожатия руки.

Павлу сразу стало как-то не важно, во что тот обут и одет, что на поясе у него висит одна расстегнутая кобура с выпирающей рукояткой пистолета, а под мышкой – еще одна, тоже расстегнутая и тоже с видневшейся рукояткой. Пожимая руку хозяину «поползновений», он уставился не в правый глаз, внимательно разглядывающий его через обычный монокль, а на левое веко, почти полностью прикрытое, насквозь пробитое двумя крючками блесны с золотистым лепестком, которая свисала и покачивалась, словно тяжелая серьга на мочке уха. Жало третьего крючка застряло под его бровью. Глядя на это, Павел, кажется, даже протрезвел.

– Как вам мой пирсинг? – Алексей Леонидович подмигнул Павлу и Лёве единственным видящим глазом.

– Поверьте, это не самое страшное, что может произойти с вами даже на самой обычной рыбалке. Не говоря уже о Кабаньем урочище!

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Лёва принужденно. Павел вообще промолчал, пытаясь осмыслить, как можно ходить с блесной, пробившей веко и бровь. Ему самому во время рыбалки «повезло» трижды цеплять себя тройниками блесны за голову и однажды – за большой палец. Каждый раз приходилось использовать пассатижи, чтобы немедленно освободиться от приманки, приносящей постоянную боль. И пусть это было страшновато и, конечно, тоже больно, но зато избавляло от дальнейших страданий…

– Участники турнира «Мастер-рыболов» освобождаются от традиционного взноса за посещение нашего трактира, – без тени улыбки произнес Алексей Леонидович, приглашая жестом проследовать в заведение. – Однако, алкогольные напитки – традиционно за счет клиентов.

Трактир встретил новых посетителей какофонией голосов, не заглушавших, однако стук бильярдных шаров и звучащей из динамиков спокойной мелодии. Никто не танцевал, хотя свободного места хватало. Народ был занят поглощением пищи, напитков, пусканием в потолок сигаретного дыма и разговорами. Павла сразу что-то смутило, но, приглядевшись к сидящим за столиками людям, он сообразил, в чем дело: подавляющее большинство посетителей были облачены либо в армейскую форму, либо в сероватые костюмы полицейских, либо в егерский камуфляж и лишь немногие – в нечто яркое.

Таким, относительно пестрым пятном выделялись пятеро мастеров-рыболовов, разместившихся за длинным столом в глубине зала. Они выглядели почти ровесниками, каждому

– от тридцати до сорока лет, разве что Тапир не пересек двадцатипятилетний рубеж. К тому же он был самым миниатюрным что ли и каким-то бледным, в то время как остальные – как на подбор: крепкие, спортивные, загорелые. Стол спортсменов был заставлен тарелками с едой, полупустыми пивными кружками и открытыми бутылками с более крепкими напитками.

– Наконец-то! – завидев приближающихся Лёву и Павла, вскочил Сфагнум с фужером в руке. – Думаете, одни мы вас заждались? Да все добрые попо… поползновения вас ждут.

Сфагнум был заметно навеселе и, кажется, единственный, кто пришел в трактир в строгом черном костюме и белоснежной рубашке. Хорошо хоть галстук-бабочку не додумался напялить, – успел подумать Павел, прежде чем увидел эту самую бабочку, валявшуюся в пустой тарелке.

– Ты, чего так вырядился-то? – спросил у Сфагнума Лёва, усаживаясь за стол. Павел, терзавшийся мыслью, уместно ли будет пригласить за общий стол Нинель, заглянувшую в трактир вместе с ними, только сейчас обнаружил, что девушка куда-то пропала. Впрочем, наверное, это было к лучшему…

– А может это моя спортивная форма одежды? Ты мне, что, запрещаешь? – с вызовом спросил Сфагнум и приложился к фужеру.

– Наоборот, – улыбнулся Лёва, наливая себе спиртного из первой попавшейся под руку бутылки. – Ловить рыбу в костюме – прикольно, это я как журналюга тебе говорю.

– Кончено, прикольно! – обрадовался Сфагнум, отставляя опустевший фужер. – Это вы все в форме да с логотипами своих фирм, а мне рекламировать никого не надо. Легенду рыболовного спорта и без того все знают. Змей подтвердит. Подтвердишь?

– Подтверждаю, успокойся, – не стал развивать тему Павел.

– Павел, мы, собственно, чего тебя ждали-то, – по очереди чокаясь с ним и Лёвой, сказал Магз. – Чтобы всем шестерым спортсменам одновременно начать егерей выбирать. Местные о нашей затее успели разузнать, ну и, кажется, каждый из них готов предложить свою кандидатуру. Это ведь очень неплохой заработок, плюс нехилая индивидуальная раскрутка, сам понимаешь.

– А мне вот очень интересно, – обратился ко всем, сидящим за столом Лёва. – Как вы себе представляете выбор егерей? Чисто визуально, построив два десятка человек в одну шеренгу, либо посредством анкетирования, либо, прислушиваясь к сплетням…

– Легенда рыболовного спорта вообще мудрствовать не станет! – громко заявил Сфагнум. – Кто меня в бильярд обыграет, того и возьму егерем!

– Стоп, стоп, стоп! – поднял руку Стамбул. – Заповедник – место серьезное, опасное. А вдруг тебя какой-нибудь хлюпик натянет, который кроме кия больше ничего в руках держать не умеет? И как он сможет защитить мою шкуру, когда по жребию мне достанется?

– Но в первом-то туре он будет охранять только мою бесценную шкуру, – резонно заметил Сфагнум. – Вот и поглядим, хлюпиком этот егерь окажется или достойным всяческого уважения чуваком.

– А ты кием по шару-то попадешь? – с усмешкой поинтересовался Стамбул.

– Я? Да я старый, опытнейший бильярдист, можно сказать, легенда столичного бильярда. Спроси у Змея!

– Подтверждаю…

– А вот лично я себе егеря уже выбрал, – медленно вставая и устремив взор в сторону барной стойки, сказал Дмитрий Бокарев.

Остальные спортсмены вместе с Лёвой повернули головы туда же. Из десятка вращающихся стульев сейчас занято было только одно, и на нем, держа в руке пенящуюся пивом кружку и о чем-то непринужденно беседуя с хозяином трактира, восседала изящная брю-

нетка, облаченная в егерский камуфляж и увешанная разнообразным поблескивающим оружием, словно новогодняя елка – игрушками.

– В таком случае, я тоже себе егеря присмотрел, – Тапир неожиданно для остальных сорвался с места и убежал в темноту зала.

Сфагнум, покачиваясь, направился в сторону бильярдной. Магз и Стамбул переглянулись, посмотрели на усердно жующего мясо Павла, на смакующего вино Лёву и, ничего не сказав, покинули стол.

– А ты чего не идешь? – поинтересовался Лёва у друга через пару минут.

– Есть хочу, – ответил тот, высматривая на большом блюде кусочек мяса поподжаристей, чтобы переложить его себе на тарелку.

– А пить?

– Тоже.

– Кхым… добрый вечер, уважаемые, – привлек внимание Лёвы и Павла остановившийся с противоположной стороны стола широкоплечий мужчина, облаченный, как и большинство в трактире, в камуфляжный комбинезон с широким ремнем, на котором висели кобура и тесак в чехле. – Присесть позволите? – Количество разнообразных шрамов на его лице так и хотелось посчитать. Они были на лбу, левой щеке, верхней губе, подбородке… на переносице выпирала приличных размеров шишка – еще одно следствие давнишней травмы. Руки он держал за спиной.

– Без проблем, уважаемый, – доброжелательно улыбнулся Павел. – Выпьете с нами?

– Почту за честь, – оказалось, что в одной руке незнакомец держал бутылку дорогого коньяка, в другой – граненый стакан. И бутылку, и стакан он с серьезным выражением лица выставил на стол и так же подчеркнуто серьезно сказал:

– Моя фамилия Мельник. Друзья иногда кличут Старым Мельником. Друзьям я прощаю.

– Э-э… – открыл рот Лёва, но Мельник его перебил:

– Вам, уважаемые, представляться нет надобности. Я давний подписчик «Знатного рыболова», всегда читаю это замечательное печатное издание от первой строчки до последней.

Он ловко откупорил бутылку, плеснул коньяка в свой стакан и вопросительно посмотрел на журналистов. Те, поняв намек, придвинули к стакану свои стопки, которые Мельник тут же наполнил.

– Прошу покорно извинить меня за такую, нет, не наглость, а смелость, но в связи с рыбалкой у меня уже давно зародились два желания, две, можно сказать, мечты, – поведал он и, подняв стакан, вновь обратив на уважаемых вопросительный взгляд.

Лёва и Павел последовали его примеру, со звоном сдвинули емкости, выдохнули, выпили и, уже закусывая, с удивлением обратили внимание на отразившуюся на лице Мельника радость.

– Одна моя мечта только что осуществилась, – сказал тот, вновь разливая коньяк. – Она было для меня важной, но вторая мечта – во стократ важнее…

– Э-э-э…

– Поясняю! Первой моей мечтой – было выпить со столь уважаемыми людьми, с чемпионами мира по спиннингу!!! – выкрикнул Мельник. И намного тише добавил:

– То есть, с вами. Ну а до осуществления второй мечты, боюсь, пока далековато…

– Интересно… – поднял брови Лёва.

– Я до жути, до дрожи в коленях мечтаю во время официальных соревнованиях по спиннингу обловить Павла Балашова, – сказал Мельник с азартом. – И чтобы не просто господину Балашову не повезло, а мне наоборот подфартило. Чтобы клев был отличный,

и наловили бы все много, но у меня оказалось хотя бы на одну рыбку, всего на несколько граммов больше!

– Да, с этим действительно могут возникнуть проблемы, – Лёва толкнул приятеля локтем.

– Почему же, – Павел, наконец, отложил вилку, вытер салфеткой губы и взялся за кружку с пивом. – Господину Мельнику достаточно попасть в сборную какого-нибудь рыболовного клуба и принять участие в любом чемпионате, где будет выступать команда «Знатный рыболов».

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Лёва и подмигнул Мельнику. – Вот он всегда так скромничает. Мол, достаточно принять участие… А лично мне понадобилось почти три сезона, чтобы впервые обловить этого скромника. И знаете, что самое интересное? Знаете, в чем секрет нашего самого знатного рыболова? – почесал он за ухом и взял наполненную коньяком стопку. – Давайте, сначала выпьем, потом расскажу.

Они вновь чокнулись и выпили. После чего Лёва придвинул к себе большое блюдо с овощным салатом и начал его жадно поглощать. Павел с улыбкой наблюдал поверх пивной кружки за Мельником, на лице которого читалось нетерпение узнать некий секрет. Он и сам был немного заинтригован, что же на сей раз выдумает Лёва.

– Вся фишка в том, – наконец оторвался от салата главный редактор газеты «Знатный рыболов», – что этот вот хитрован, узнав о желании кого-либо его обловить, прилагает все усилия, чтобы этого не случилось. А, Змей? Я верно излагаю?

– Не слушайте его, Мельник, – сказал Павел.

– Слушайте, слушайте, – усмехнулся Лёва. – Говорю, потому что на собственной шкуре это испытал. Мы же с ним с первого дня знакомства крепко подружились, и я по дружбе признался, что мечтаю его сделать во время спиннинговых соревнований, так знаете, сколько раз он эту мечту обламывал? Вот займу я, скажем, десятое место, а Павел – пусть не призовое, но и не одиннадцатое, а именно девятое. Пусть другим проиграет, но сделает все, чтобы только меня вперед не пропустить…

– Но рано или поздно вы его все-таки… сделали?

– Ну, он же не заговоренный какой. Конечно, сделал. Но, как сейчас помню, произошло это на тех соревнованиях, когда нашлась парочка молодых да ранних умников, громогласно заявивших, что заткнут самого Павла Балашова за пояс. Это на одном из краснодарских лиманов было, который мы с ним посетили впервые, а те двое были из местных. Они потом все поверить не могли, как же господин Балашов умудрился им нос утереть. Ну а я, так сказать, под шумок впервые Павла и обловил.

– Случайно, – отозвался Павел.

– И здесь, мой вам совет, господин Мельник. Главное с ним не спорить, главное прикинуться неумехой, который ни на что не рассчитывает, тогда может повезти. Но вам, к сожалению, прикидываться уже поздно, вы своей мечтой с чемпионом мира поделились, и это стало глобальной ошибкой…

– Лёва, ты, как всегда заливаешь, – сказал Павел. – Наливал бы лучше, а то мне еще егеря выбирать.

– Позвольте мне, – Мельник в очередной раз разлил коньяк, и когда они выпили, сказал:

– Еще раз прошу покорно извинить не за наглость, а за смелость, но если вы ищите опытного егеря, предлагаю свою кандидатуру. О моей профессиональной пригодности можете поинтересоваться у того же Монокля, да вообще – у любого.

– Я не против, – тут же согласился Павел.

– Минуточку! – поднял указательный палец Лева. – Насколько я понял, вы заядлый рыболов и имеете опыт работы в заповеднике под названием «Кабанье урочище»?

– Охотничьи и рыболовные туры – мой конек. Но, поверьте, я не ради заработка напрашиваюсь. Гораздо важнее своими глазами увидеть, как ловят лучшие из лучших. Тем более что находиться в заповеднике, особенно в определенных его секторах действительно очень опасно. Эти секторы, конечно, будут для вас закрыты, но…

– А вот скажите, Старый Мельник…

– Лёва, я, кажется, тебя в менеджер-р-ры не нанимал, – язык Павла слегка заплетался. – Чё докопался до человека!

– Пал Евгеньич, я, между прочим, собираюсь поставить нехилую денежку на твой выигрыш. Почему ты мне запрещаешь беспокоиться о моем приработке, о твоей безопасности и тому подобное.

– Все р-равно др-р-ружище Мельник будет со мной только в первый день. А дальше – неизвестно кто достанется.

– Первый день – самый важный. К тому же, если ты пригласишь Старого Мельника быть твоим первым егерем, я уверен, он не откажется рассказать нам о некоторых специфических особенностях заповедника?

– Понимаете… – Мельник слегка замялся. – У нас существует неписаный егерский кодекс…

– И это прекрасно, – Лёва вновь поднял указательный палец. – Я, хоть и журналист, но не собираюсь вынюхивать чужие тайны. – Просто мне, и вашему потенциальному подопечному почти ничего об этих самых кабаньих урочищах неизвестно. Только какие-то нелепые слухи. А это неправильно.

– Лёва, да ладно тебе, – Павел посмотрел на друга мутноватым взглядом. – Завтра будет ознакомительный день, и все станет яснее ясного.

– Наш егерский кодекс не только приветствует, но даже требует предварительного просвещения клиентов на предмет трудностей и опасностей, которые поджидают их в заповеднике, – сказал Мельник.

– А большего мы и не желаем, – заулыбался Лёва. – Только желаем просветиться не сухой инструкцией, а нормальными, дружескими советами. И не сегодня, а завтра, с утречка. Договорились?

– Конечно! – Мельник тоже расцвел в улыбке.

– Только еще один вопрос, – Лёва резко посерьезнел. – Присутствовал ли господин Старый Мельник в списке егерей, который составил господин Нешпаев Петр Васильевич?

– Нет, – с достоинством ответил егерь.

– А вот это мне нр-равится больше всего, – сказал Павел. – Наливаем, выпиваем и – по р-рукам?

– По рукам!!!

* * *

Как выяснилось чуть позже, просто ударить по рукам было недостаточно. Чтобы заявить выбранного егеря, требовалось подписать бумаги у хозяина трактира. Что Павел и сделал, даже не вчитываясь в какие-то там условия и обязательства каждой из сторон. Мельник, довольный таким исходом дела, пообещал завтра не опаздывать и ретировался.

– Не подведет моего друга этот человек, облагороженный таким количеством шрамов? – не преминул поинтересоваться у Монокля дотошный Лёва. – Я в плане того, что Ношпа-то его в свой список не включил…

– Старый Мельник – один из самых достойных егерей, ответил Алексей Леонидович. – А с Ношпой они давно на ножах. Впрочем, как и половина из присутствующих.

– Я сто лет Ношпу знаю – человек сложный, – вставил Павел, и Моноколь бросил на него быстрый оценивающий взгляд.

– Примечательно, – сказал он, – что два ваших товарища выбрали егерей как раз из списка, который изначально подготовил Ношпа.

– Интересно было бы посмотреть…

– Без проблем, – прежде чем придвинуть к Павлу открытый блокнот, Алексей Леонидович что-то в него вписал. Рыболов увидел короткий список: Стамбул – Прохор, Волгарь – Трида, Тапир – Гэдульдихт, Магз – Налим, Змей – Мельник, Сфагнум – …

– А, что, нашего коротко стриженного друга до сих пор никто не смог обыграть в бильярд?

– Как раз наоборот, – усмехнулся Алексей Леонидович. – Господин Сфагнум слил первую же партию. Но тут же заявил, что не успел размяться и потребовал, чтобы считали по двум победам из трех партий. Вторую он выиграл, но третью слил, после чего потребовал, чтобы считали по трем победам из пяти партий. По моим сведениям сейчас счет два – два. Там на них нехилые ставки делают.

– Оч-чень интер-ресно!

Лёва с Павлом, заплатив и приняв из рук хозяина трактира по высокой кружке пенистого пива, проследовали в бильярдную, и не без труда протиснулись в первый ряд болельщиков, наблюдавших за игрой их приятеля. В Москве Павлу не раз доводилось сражаться со Сфагнумом в бильярд. Он никогда не был инициатором подобных дуэлей, да и с точки зрения финансов немного жаба душила. Обычно заводилой был Сфагнум, да и платил, как правило, он, хотя и Павлу, пусть редко, но тоже приходилось раскошеливаться.

Объективно Сфангнум был опытнее и сильнее, но Павлу часто везло. Здесь, судя по всему, легенде рыболовного спорта, а так же и легенде столичного бильярда – так он сам себя называл, попался более достойный соперник. Сфагнум давно скинул пиджак, накрахмаленная рубашка была расстегнута почти до пояса, на лысой, то есть, коротко стриженной голове блестели капли пота. Кажется, он вновь проигрывал. Но кому?!

Соперницей вальяжного бильярдиста оказалась невысокая, хрупкая, востроносая девчонка, которой можно было дать от семнадцати до двадцати пяти лет. Она, как и многие в трактире, была в егерском камуфляже, а на голове – надетая задом наперед бейсболка, из-под которой неряшливо топорщились пепельного цвета волосы.

– Не могу поверить, чтобы эта пигалица… – начал Лёва, но замолчал, глядя, как девушка, неторопливо прицелившись, с резким щелчком вколотила шар в дальнюю от себя лузу.

Раздались возгласы разочарования, но больше – одобрения. Кто-то ринулся сделать очередную ставку. Тем временем еще один шар, на этот раз очень медленно закатился в лузу, не коснувшись ее стенок.

– Если Сфагнум проиграет, она может стать одним из ваших егерей? – мрачно произнес Лёва.

– Я не пр-ротив, – откликнулся Павел. – Я вообще всегда р-ратовал за то, чтобы девушек в рыболовном спорте было больше…

Он вдруг почувствовал, как кто-то настойчиво тянет его за пояс назад. Сопротивляться не стал, посчитав главным – не расплескать из кружки пиво. Когда оказался выдернутым из толпы болельщиков, обернулся и встретился с хмурым взглядом своей давней знакомой.

– Ниночка, у тебя такие р-р-роскошные волосы, – сорвалось у него с языка.

– Это парик, – тряхнула она головой. – Я возвращаюсь на базу. Ты остаешься, или пойдем вместе?

– Вместе, – машинально ответил Павел.

– В таком случае – не отставай!

– Постой, а как же Лёва, а остальные?

– Лёва в три раза трезвее тебя, – сказала Нинель, вцепившись ему в рукав. – Доберется самостоятельно. А до остальных тебе разве есть дело?

– Ну-у-у… надо же как-то вместе…

– Так ты – вместе с ними, или только со мной одной? – глядя Павлу в глаза, она почти вплотную притянула его к себе.

– С тобой – одной, – ответил он, понимая, что сказать что-либо другое, и тем более возражать у него не осталось сил.

Павел не запомнил, как покидал трактир, кажется, Нинель вытащила его на улицу буквально на своих плечах. Он взбодрился, глотнув свежего воздуха и еще от того что, спустившись с высокого крыльца, нос к носу столкнулся с Магзом.

Если Павла держала за руку суровая с виду Нинель, то самого известного питерского спиннингиста опекали две, цветущие улыбками, неотличимые друг от друга китаянки или кореянки. Кто из рыболовов больше пьян, понять было сложно, но, открывший рот Павел, так ничего и не сказал, зато Магз, многозначительно ему подмигнул и изрек:

– Змей, все нормально! – После чего, подхватил под мышки и приподнял завизжавших, болтающих ногами азиаточек, развернулся с ними на сто восемьдесят градусов и был таков.

– Молодец, Магз! – запоздало крикнул вслед приятелю Павел.

– А ты? – жарко прошептала ему в самое ухо Нинель. – Ты на этот раз покажешь себя молодцом?

Глава шестая
Сэмэн, Мельник, Нинель, Осока…

Смутное беспокойство заставило Петра Васильевича Нешпаева открыть глаза. За окном только-только забрезжил рассвет, а предстоящий день обещал быть тяжелым. Не мешало бы поспать еще часок-другой, но на втором этаже, судя по звукам, кто-то, кажется, наткнулся на стул, и сон у хозяина дома, как рукой сняло.

Нешпаев бесшумно поднялся с кровати и подошел к двери. Он редко селил приезжих в офисном здание, где помимо прихожей, гостиной и его апартаментов, включая личный кабинет, кухню и спальню – на первом этаже, на втором имелись три комнаты для гостей и большой холл. Вчера, будучи в немалом подпитии, Нешпаев отошел от правил и предложил остаться ночевать у себя главного судью предстоящих соревнований Станислава Пашкевича и журналиста Константина Какуева. Почему-то в такую рань кому-то из них не спалось.

Приоткрыв дверь, Нешпаев узнал спускающегося по лестнице журналиста, полностью одетого, с кофром на плече и штативом в руках. Беспокойство прошло, появилось любопытство – куда Какуев собрался в такую рань?

Судя по всему, тот не ставил целью остаться незамеченным, просто не хотел никого будить. Нешпаев собрался, было, его окликнуть, но в это время журналиста, что-то насторожило и вместо того, чтобы идти по коридору к выходу, он повернул в сторону кухни. Нешпаева бесшумно последовал за ним. Не исключено, что гостю захотелось с утра пораньше промочить горло, и он собрался заглянуть в хозяйский холодильник…

Все оказалось гораздо хуже. Дверь на кухню была открыта, и там, сквозь крохотную щель в дощатом полу, бил в потолок тонкий луч. Нешпаев застыл с поднятой ногой. Свет в подполе загорался автоматически, при открывании люка, и также автоматически гас, когда люк закрывали. Нечего особо ценного в подполе не хранилось – обычные запасы консервов и спиртного, разве что в немалом количестве. Другое дело, что там было кое-что зарыто. Даже не кое-что, а кое-кто…

Петра Васильевича даже передернуло от мелькнувшей догадки, что произошло в его подполе. Между тем, Какуев, словно был у себя дома, сдвинул лежавший на полу разноцветный матерчатый коврик, прикрывавший люк, взялся за металлическое кольцо и, потянув его, открыл вход вниз. Свет в подполе зажегся. Какуев отложил штатив на пол и стал спускаться по короткой лестнице. При других обстоятельствах Нешпаев не упустил бы возможности подшутить над излишне любопытным журналистом: чуть выждав, захлопнул бы и запер на задвижку люк, после чего отключил бы в подполе свет – пусть Какуев за свое чрезмерное любопытство некоторое время покукует в темноте замкнутого пространства. Но сейчас был не тот случай.

Приблизившись к прямоугольному отверстию в полу, Нешпаев осторожно заглянул вниз. Журналист успел сделать пару шагов и остановился, так что теперь Нешпаеву были видны только его ноги. Какуев стоял на хорошо утрамбованном песчаном полу, из которого, словно из продырявленного гвоздями брезента, сразу в нескольких местах выбивались тонкие лучики, светившие строго вверх параллельно друг другу.

Напрасно же он туда спустился, подумал Нешпаев и тут увидел, как рядом с правым ботинком Какуева из песка выбился еще один лучик, и вместе с ним – перламутровый, абсолютно вещественный сгусток. После чего лучик, как и все остальные лучи ударил вертикально в потолок, а сгусток скользнул вверх по каблуку и дальше – под джинсы журналиста.

Нога Константина Какуева дернулась, словно от удара электрическим током, при этом журналист не проронил ни звука, а Петру Васильевичу, чтобы не закричать пришлось зажать

себе рот единственной рукой. Он сразу и о многом догадался, но прекрасно понимал, что ничем не сможет помочь гостю, сунувшему нос не в свои дела. Между тем, Какуев начал подниматься по лестнице, и Нешпаев поспешно ретировался, прижавшись спиной к стене за шкафом.

Какуев его не заметил – особо не торопясь, вылез из подпола, опустил на место крышку люка, прикрыл его ковриком, поднял штатив и покинул кухню. Судя по звукам, журналист поспешил прочь из дома, в предрассветные сумерки последнего летнего месяца, но Нешпаеву было уже неважно, куда тот пойдет и что станет делать. В подполе творилось что-то сверхъестественное, и разобраться с этим надо было прежде всего и важнее всего.

Как с этим сверхъестественным следовало разбираться, он не знал, поэтому действовал по наитию. Для начала, вернулся в спальню и оделся в привычный камуфляж, только вместо треккинговых ботинок, обул забродные сапоги, чтобы никакой сгусток не смог проникнуть под штанину. Затем вытащил из шкафа пятилитровую канистру полную чистого спирта и, ничуть не усомнившись в правильности своего решения, перелил ее содержимое в обыкновенную садовую лейку. Ну а потом, открыл люк в подпол.

Остановившись на предпоследней ступеньке, он начал поливать утрамбованный песчаный пол, из которого били вверх тонкие лучки. Кажется, он все делал правильно; во всяком случае, как только струйки спирта окропляли продырявленный лучами песочек, те моментально гасли, словно слабенькие огоньки пламени под мощными напорами воды, бьющей из брандспойта. Ношпа не экономил, щедро поливая спиртом каждый сантиметр песчаного пола, и даже когда лейка опустела, и все лучи были «погашены», открыл еще одну пятилитровую канистру и уже без всякой лейки поливал и поливал сырой пол, после чего открыл третью канистру и не успокоился до тех пор, пока и она не опустела, а под ногами не захлюпало от сырости…

* * *

Как правило, сколько бы накануне ни выпил спиртного Павел Балашов, в каких бы пропорциях не намешал разные напитки: водку, коньяк, вино, виски, пиво… следующим утром, на удивление собутыльникам, он выглядел свежим, как огурец. Но только при двух сопутствующих условиях: если, выпивая, – закусывал, и если ночью удавалось поспать хотя бы три с половиной, а лучше – четыре часа. Другой разговор, что уже днем, когда заканчивался тур соревнований или просто утренняя рыбалка, Павел превращался в выжатый лимон, и ему ничего так не требовалось, как парочка часов спокойного сна. После которого, кстати, он вновь начинал колобродить и обычно вырубался далеко за полночь.

Знающие его люди, удивлялись такой выносливости организма, сам же Павел не придавал этому значения. Единственное, из-за чего страдал, так это от провалов в памяти. Она, то есть, память, конечно же, восстанавливалась. Особенно, если ему по дружбе рассказывали: с кем он умудрился поспорить, с кем скорешиться, с кем и о чем договориться. Но бывало, что и собутыльники ничего вспомнить не могли.

Проснувшись на этот раз и лежа с закрытыми глазами, Павел мучительно пытался восстановить цепочку вчерашних событий, но пока помимо беседы с бывшим лодочником Евдокимычем, все остальное вспоминалось смутно.

Послышались торопливые шаги, Павел сел на кровати и, зевая, принялся протирать глаза. Дверь в его комнату распахнулась, Лёва переступил порог и, глядя на друга, почесал себя за ухом:

– Павлик, ты все проспал!

– А сколько сейчас времени?

– Время тут не при чем. Новость есть!

– Надеюсь, нормальная?

– Это с какой стороны посмотреть, – Лёва плюхнулся в кресло, на спинке которого небрежно висела одежда приятеля. – Константин Какуев умер.

– Врешь.

– Когда я тебе врал?!

– А… – отмахнулся Павел, и тут до него дошло. – Неужто, в самом деле, копыта отбросил?

– Ну, да! Здесь вот какое дело! Я сегодня специально пораньше проснулся, чтобы, так сказать, в лучах восходящего солнца запечатлеть рыболовную базу и ее окрестности. Пришел на речку, смотрю – наш «обожаемый» конкурент уже в раскладном стульчике на берегу расположился, штатив перед собой установил. Я ему молча кивнул и в сторонку отошел, чтобы ракурс получше выбрать. Потом на Какуева оглянулся – как сидел, так и сидит, голова на грудь свешена, фотик – на коленях. Подошел и сразу все понял. Да ты сам можешь посмотреть, – Лёва достал из сумки цифровой фотоаппарат.

– Не хочу я на мертвеца смотреть. Меня от самого вида Какуева и при жизни воротило.

– Короче, вызвал я полицию, те, в свою очередь, вызвали медиков. Приехали очень быстро, видимо, им здесь частенько приходится факты смерти констатировать.

– И какова причина смерти? – Павел встал, вытащил из-за спины Лёвы свои джинсы с футболкой и начал одеваться.

– Причина пока не установлена. Визуально – никаких ран не обнаружено. Может – сердце гикнулось. В общем, медики тело господина Какуева увезли, будут разбираться.

– И какой теперь расклад с соревнованиями?

– Надеюсь, все пойдет по плану. Разве что сегодня график сдвинется. Потому что и меня, и всех спортсменов будут вызывать, как потенциальных свидетелей.

– Тебя – понимаю, – Павел заглянул под кровать в поисках кроссовок. – А остальные тут при чем?

– В окошко выгляни – и все поймешь. Берег реки – как на ладони. Из других домов – то же самое видно. Понятно?

Павел подошел к окну и приложил ко лбу ладонь, защищаясь от слепящего солнца. На берегу, как нарисованные, выделялись раскладной стульчик и штатив.

– Вот ведь человек! – Павел в сердцах ударил кулаком по подоконнику. – Пока жил – гадил всем и каждому. А своей смертью – нагадил вдвойне.

– Да ладно тебе, – скривился Лёва. – В народе говорится – о покойниках либо хорошо, либо ничего.

– Вот это верно! А ты помнишь песню, с такими словами: «Тенни-ис большо-о-ой – это хорошо-о!» Можешь считать, что я кощунствую, но, несмотря на предстоящие геморройные объяснения с полицией и со всем остальных, я спою так: Какуев уме-е-ер – это хорошо-о!

– Павел, ты и в самом деле кощун. Никакого почтения к смерти…

– Да. И, говоря о смерти сегодняшней, девять человек из десяти со мной согласятся. И ты – среди них. Или я не прав?

– Ты в десяти случаях из девяти прав.

* * *

– Друзья! М-ня зовут Сэм…. Изв… меня зовут Се-ме-не…, изв… Семе…, извините… Семец… ц-ц-ц… нецкий…

– Немецкий? – уточнил Павел и улыбнулся парню, одетому, как и большинство в этих местах, в камуфляжную форму, который только что приблизился замысловатыми зигзагами к их домику. На крыльце которого они с Лёвой сидели уже третий час, время от времени

уделяя внимание металлическому бочонку с пивом, чтобы открыть кран и наполнить высокие кружки пенящимся напитком.

– Не… – парень покрутил перед лицом Павла указательным пальцем. – Не немецкий…

– Значит, – ненецкий? – спросил Лёва.

– Не… Что вы все время путаете! Сэмэн – так все меня называют.

– Сэмэн, друг, а вот мое имя Павел, можно – просто Паша. Пивка с нами выпьешь?

– Выпю!

– Держи, Павел протянул ему свою почти полную кружку. И садись, – он хлопнул ладонью по ступеньке между собой и Лёвой и немного отодвинулся, чтобы не было тесно.

Парень сел, сделал три осторожных глотка, словно боялся обжечься, и в глазах его вдруг сразу прояснилось.

– Жаль! – сказал он. – Очень жаль, что никто из вас не пригласил меня быть егерем!

– А тебя господин Ношпа в свой личный списочек включал? – поинтересовался Лёва.

– Нет! Не включал! И знаете почему? – он сделал еще пару маленьких глотков. – Потому что я самый невезучий из всех егерей.

– В каком плане ты невезучий?

– Не я, а мои клиенты невезучие.

– Расскажешь?

– Чего там рассказывать! Один слепым из кабаньих урочищ вернулся, второму маски ступню откусил, третий и вовсе утонул… – парень вновь приложился к кружке, в то время как Лёва с Павлом недоуменно переглянулись.

– Почему слепым вернулся? – спросил Лёва, но парень тупо на него уставился и ничего не ответил. Следующий вопрос задал Павел:

– Ты сказал – маски? То есть, маскинонг? Здесь разве водятся маскинонги? Кажется, они только в Канаде обитают?

Но и Павлу он не ответил. Молча вернул кружку, поднялся и все такими же замысловатыми зигзагами направился к соседнему домику. Ничего не понимая, Павел и Лёва смотрели ему вслед.

– Почему мы должны жалеть, что не пригласили его быть егерем, раз он невезучий? – наконец, спросил Павел.

– А почему с его клиентами в заповеднике всякие несчастья происходили, тебя не интересует?

– Может быть, они нам расскажут? – Павел кивнул в сторону дорожки, по которой шли человек десять, и среди них – капитан полиции, недавно его опрашивавший, как потенциального свидетеля, Ношпа, Станислав Пашкевич… Эти трое и еще Мельник повернули в сторону домика Павла и Лёвы, остальные двинулись дальше. Все до одного были в болотных сапогах.

– Еще, что ли один допрос собираются устроить? – удивился Лёва и поспешно опустошил свою кружку.

– На этот раз с пристрастием, – хмыкнул Павел.

На самом деле он уже ответил на все вопросы: в последний раз видел Какуева накануне в гостиной господина Нешпаева; ночью спал, поэтому ничего не видел и не слышал; о смерти журналиста узнал от Лёвы после того, как покойника увезли медики…

– Распорядок дня меняется, – приблизившись, сказал Петр Васильевич и показал на полицейского. – Вот он все объяснит.

– Господа, – сказал капитан. – В связи с утренним печальным событием на прилегающей территории объявлен суточный карантин. Убедительная просьба – находиться в своем доме. Если же возникнет серьезная потребность его покинуть, будьте добры, ходить только в высоких резиновых сапогах. Поверьте, это в ваших же интересах.

Предвосхищая возможные вопросы, поясню: на теле гражданина Какуева, если точнее – на правой икроножной мышце обнаружена свежая ранка, которую теоретически могло оставить какое-нибудь неизвестное существо, выбравшееся из заповедника…

– Вероятность этого очень мала, – пояснил он разинувшим рты Павлу и Лёве. – До сих пор не зафиксировано случая, чтобы хоть какая-то козявка самостоятельно пересекла границу заповедника. Скорее всего, Какуев ночью сунул свой журналистский нос за колючку, вот и поплатился.

– А почему мы до сих пор не в курсе, что Кабанье урочище так опасно? – поинтересовался нахмурившийся Лёва.

– Не опасней любого леса и даже парка. Но только при соблюдении определенных мер предосторожностей, о которых вам подробно расскажет господин Мельник. Остальных спортсменов просветят егеря, которых они выбрали сами, по собственному желанию.

– Значит, соревнования все-таки не отменяются? – с надеждой поинтересовался Павел.

– Ну, если только мастера-спиннингисты не испугаются каких-то мифических опасностей, – развел руками главный судья соревнований.

– Ты сам-то в заповедник пойдешь? – ухмыльнулся Павел.

– Естественно! – излишне пафосно воскликнул Пашкевич.

– А как насчет обеда? – обратился Лёва к Нешпаеву.

– И обед, и ужин, и завтрашний завтрак будут доставлены к порогу вашего дома. По расписанию, – пообещал тот.

* * *

– Старый Мельник, среди остальной делегации егерей я даже отсюда, издалека узнал вчерашнюю победительницу нашего коротко стриженого друга. Но, кажется, там шла еще одна женщина? – поинтересовался Лёва, после того как они попрощались с Нешпаевым и зашли в дом.

– Ее зовут Трида, – поморщился егерь. – Ее завербовал один из ваших.

– Нетрудно догадаться, что это Волгарь. Получается, из шести егерей – две женщины? И это при том, что о Кабаньем урочище ходят очень малоприятные слухи – в плане всяких опасностей…

– Если говорить без утайки, урочища очень слабо изучены, особенно отдаленные места за Лебяжьем озером, так называемые топи. Они непроходимые и тянутся на десятки километров, до самого моря. Никто понятия не имеет, что за животные в них обитают, и я очень сомневаюсь, что в ближайшие годы, что-нибудь в этом плане изменится. Разве что у ихтиологов емеется возможно изучить в заповеднике подводных обитателей, рек, стариц, озер…

– Ну, так поведай нам, пожалуйста, все, что знаешь, – попросил Павел. – Времени у нас предостаточно. Если хочешь, пивка себе налей – вон стаканы, вот бочка…

Рассказ Мельника оказался очень занимательным. Соблазнившись неплохими заработками, он приехал в эти места сразу после того, как только доступ в заповедник Кабаньи урочище стал официально разрешен, и появилась потребность в опытных егерях-охотниках. В тех, кто знал о природе и о животном мире не только по картинкам, книжках и фильмам, но на своей шкуре успел познать, что такое, к примеру, столкнуться нос к носу с разъяренным кабаном.

Заработки превзошли все мыслимые ожидания, но и работенка действительно оказалась слишком серьезной и опасной. Чуть ли не каждый второй поход в Кабанье урочище заканчивался трагедией: люди возвращались либо покалеченными, либо вообще не возвращались.

Нет, никакой радиации, никаких вредных излучений в заповеднике не наблюдалось. Беда пришла с другой стороны: даже мирные животные, обитавшие в урочище, через некоторое время после вспышки, стали слишком агрессивны в отношении человека. Что уж говорить о хищниках!

Это казалось невероятным, но складывалось впечатление, что звери словно бы прониклись общей целью – защищать свою территорию от вмешательства двуногих врагов. И первое время защищали довольно успешно. Именно тогда, в первые свои вылазки на территорию заповедника тот же Мельник был награжден несколькими шрамами. Кто бы мог подумать, что белочка с пушистым хвостиком и симпатичными глазами-бусинками прыгнет со старой разлапистой ели на голову проходящего мимо егеря и начнет полосовать удлиненными когтями его лицо! Ту белку Мельник вовремя, пока не выцарапала глаза, успел схватить и раздавить ее голову своей лапищей. Зато другая любительница орешков умудрилась разодрать одному нерасторопному ботанику не только лицо, но и горло, и спасти человеку жизнь не удалось.

Кто бы мог подумать: белка – убийца! Но вскоре всем стало ясно, что звери дельты Кабанье урочище, ставшее после вспышки заповедником, в прямом смысле слова озверели в отношении человека. И тогда люди решили все-таки доказать, кто на самом деле царь природы…

Павел и Лёва слушали егеря и не знали, верить ему или не верить, иронично улыбаться или озабочено хмуриться. Между тем, Мельник с абсолютно серьезным выражением лица рассказывал о том как, спустя пару месяцев после невероятного противоборства с живностью заповедника, когда люди один за другим становились не охотниками, а добычей, участники походов-экспедиций сообща задумались, как жить дальше.

В трактире «Бодрые поползновения» собралось десятка четыре егерей – ни полицию, ни армию призывать не стали. И как-то уж так получилось, что кота за хвост тоже тянуть не стали: всегда инициативный Монокль, уже тогда «щеголявший пирсингом», произнес бурную речь, смысл которой заключался в том, что необходимо немедленно вооружиться до зубов и всей толпой выдвинуться в заповедник, причем, не через контрольно-пропускной пункт, а прямо напротив его трактира смести к чертям колючую поволоку, затем растянуться в цепь и углубиться, как можно дальше, безжалостно расстреливая всю, оказавшуюся на пути четвероногую живность.

Удивительно, но это абсолютно авантюрное предложение было принято почти единодушно. Но еще более удивительным оказалось то, что предложенная Моноклем смертельно опасная затея удалась. На егерей нашла какая-то общая юношеская бесшабашность, они всем скопом ринулись через границу заповедника и, действуя словно годами слаженная команда, не жалея боеприпасов, стали даже не теснить, а изгонять «четвероногих хозяев» с, казалось бы, спорных территорий. Однако неизвестно, чем бы закончилась это бодрое егерское поползновение, не приди на помощь нескольким десяткам гражданским три сотни до зубов вооруженных солдат и полсотни не менее вооруженных полицейских.

Сражение, а иначе противоборство людей и природы никто не называл, длилось неделю. Несколько человек погибло, но зверья было уничтожено на порядок больше по сравнению с теми месяцами, когда в заповеднике велась обычная охота. В итоге территория между реками Сырая и Скорогадайка на несколько километров вглубь заповедника, вплоть до самого Лебяжьего озера была полностью очищена от хищников. В Лебяжьи топи, которые стали убежищем уцелевшим в бойне четвероногим, люди соваться не стали – туда и до вспышки-то никто не ходил, а теперь и подавно.

Появляться в заповеднике стало сравнительно безопасно, но с другой стороны и малоинтересно. Во всяком случае – для охотников, приезжавших сюда за потенциальными трофеями. Перевелись трофеи. Как следствие – услуги егерей-охотников стали почти никому

не нужны. Зато, во многом благодаря активности господина Нешпаева, в Кабаньем урочище начала развиваться трофейная рыбалка. Как вскоре выяснилась, рыбалка в заповеднике оказалась не менее опасной, чем охота и в этом плане никто, с кем успели пообщаться журналисты, не сгущал красок. Егеря, скорее, даже недоговаривали.

Бывало, рыболовные мини экспедиции, отправлявшиеся в междуречье всего лишь на денек, попросту исчезали. Но если нападавшего на охотника зверя было видно, то обитатели подводного мира показывались на глаза только, попавшись на крючок. В саму же воду никто не лез даже в скафандрах – боялись. А все из-за того, что не во всех, но в некоторых местах стоило погрузить в воду ногу хотя бы по щиколотку, как вода вокруг, мало того, что вместо теплой и прозрачной становилась холодной и перламутрового цвета и абсолютно не просматривалась, так еще и стремительно начинала густеть, словно вот-вот готовилась превратиться в лед. Такие места получили название «мигрирующие кляксы».

Кляксы и в самом деле постоянно перемещались, причем без всякой закономерности. Ученые ихтиологи до сих пор не могли разгадать эту загадку природы. Не могли ответить ученые и на вопрос, почему забрасываемые в воды заповедника рыболовные приманки, а также леска не подвергаются точно такому же воздействию «перламутра», но стоило после этого окунуть их в обычную воду за пределами заповедника, и они на глазах растворялись, словно попавшие в сильнодействующую кислоту…

– Минуточку, – перебил егеря Павел, – получается, я могу заранее распрощаться с приманками, на которые буду ловить?

– Да. Если будете ловить на них в определенных местах, то есть там, где в данный момент окажется мигрирующая клякса, – развел руками Мельник.

– Дайте-ка, я угадаю, – сказал Лёва. – Рыболовам сообщают об этом чудесном свойстве воды только при выходе из заповедника? Да можно и при входе сообщать – в любом случае без приманок ты туда не пойдешь.

– Абсолютно верно, – согласился Мельник. – Сообщают три входе.

– Но только не заранее, ведь так? Ношпа даже по старой дружбе нам в Москве ничего об этом не сказал!

– Лёва, но мы с тобой все равно бы не отказались от поездки, – пожал плечами Павел. – Разве нет?

– Не про нас речь, а про тех, кто над каждой своей драгоценной приманочкой трясется. Да и тебе, думаю, будет не очень приятно лишиться десятка воблеров, каждый из которых не меньше полтыщи стоит. Кстати, Старый Мельник, рыбаки, понявшие, что в нормальной воде их приманкам наступит кирдык, что с ними обычно делают?

– Как правило, оставляют своему егерю – в подарок.

– О! Дай-ка я еще раз угадаю! А егерь впаривает эти приманки новым клиентам, верно?

– Как правило, приманки продают господину Нешпаеву.

– По дешевке, конечно же?

– Да. И кто не соглашается с предложениями господина Нешпаева, попадает в его черный список…

– Прекрасно! – воскликнул Лёва. – Не потому ли он тебя проигнорировал, когда собирал команду на «Кубок мастеров»?

– В том числе и поэтому.

– Ага! Я всегда говорил, что Ношпа очень непростой человек! – обратился Лёва к Павлу, словно тот когда-нибудь с ним по этому поводу спорил. После чего, подмигнув Мельнику, достал из холодильника бутылку виски.

– Вот это правильно, разговеться пора, – одобрил Павел. – Все равно целый день дома сидеть…

* * *

Когда служанка базы «Граничная» Хеллен принесла сумку с термосом и контейнерами с горячим обедом, Лёва, Павел и Мельник успели опустошить бутылку виски и принялись за коньяк. Поговорили о многом. Мельник подтвердил, что хозяин базы лишился правой руки несколько месяцев тому назад в заповеднике. Как именно это произошло, Ношпа умалчивал. Максимум, чего смог от него добиться следователь, так это рассказа, о том, как Петр Васильевич и его приятель Геннадий Белов в один прекрасный вечер отправились ловить рыбу на берег Лебяжьего озера, где Нешпаев ни с того ни с чего впал в беспамятство и очнулся только на кордоне, где его, безрукого, истекающего кровью, подхватили медики. Куда подевался его напарник, так никто и не узнал. Нешпаев же, выйдя из больницы инвалидом, казалось, стал абсолютно равнодушен к затеянному им бизнесу, даже пошли слухи, что собирается продать приносившую прибыль базу «Граничная», но потом неожиданно для всех взбодрился, и занялся организацией этих самых рыболовных соревнований.

По словам Мельника очень уж серьезных проблем во время предстоящего шестидневного рыболовного марафона возникнуть было не должно. Главное – постоянно помнить о том, что заповедник это особая территория, ходить по которой можно только в сапогах, ловить рыбу необходимо в перчатках и обязательно в очках – не столько, чтобы защитить глаза от солнца, сколько от попадания брызг.

Пойманную рыбу – сразу же передавать егерю, в обязанности которого входило освобождать ее от крючков, взвешивать, фотографировать и отпускать обратно в водоем, либо, если трофей окажется необычным, неизученным, забирать его с собой. Кроме того егеря будут вооружены автоматическими винтовками, либо автоматами Калашникова и пистолетами, ну и, конечно же, – постоянно поддерживать радиосвязь с главным судьей и непосредственно с организатором соревнований, то есть, с господином Нешпаевым…

– Старый Мельник, ты вот что мне объясни… – доев последнюю ложку наваристого борща, обратился Лёва к егерю. – Если в зоне, то есть, в Кабаньих урочищах настолько опасно, что необходимо носить с собой оружие – я так понял, на случай, если вдруг очередной кабан из топей выскочит – то с какого перепугу среди егерей позволили оказаться двум женщинам?

– А тебе, что, жалко? – встрепенулся Павел. – Может, они поточнее любого мужика стр-реляют!

– Вообще-то стреляют они действительно неплохо. И Осока, и Трида… – произнося имя второй женщины, Мельник вновь поморщился, и это не ускользнуло от наблюдательного Лёвы.

– До стрельбы, я надеюсь, дело не дойдет, – усмехнулся он. – А если, не дай бог, наш Пал Евгеньич в очередной раз ногу себе поломает, каким образом та же Осока его на себе к финишу потащит?

– Тебе же сказали – у них р-радиосвязь! – хлопнул ладонью по столу Павел.

– Хорошо, – не унимался Лёва, – а если ты в очередной раз в воду свергнешься, как она тебя вытаскивать станет. Я понимаю – Старый Мельник, он тебя одной рукой вытащит, а что сможет сделать эта пигалица?

– Да откуда ты знаешь способности пигалицы? Вспомни, как она нашего лысого в бильярд сделала! Надо будет с ней тоже сыгр-рать…

– Осока тебя сделает, Змей, – порог комнаты переступила Нинель. На ней вновь был тот же камуфляжный сарафан, только на ногах – сапоги. А в каждой руке – по бутылке вина.

– Ношпа расщедрился, – пояснила девушка, ставя бутылки на стол перед мужчинами, не отрывая взгляда от Павла. – Сказал, мол, раз уж попали на бездействие, так хоть не скучайте…

И только сейчас Павел, хоть уже и был прилично подвыпивши, вспомнил вчерашний вечер!

Вспомнил, как Нинель вытащила его из трактира, как они встретили на крыльце Магза с двумя азиатками легкого поведения, и тот потащил их в укромный уголок. Нинель же повела Павла куда-то в темноту, вроде бы на берег того самого ручья, что впадает в Скорогадайку. Павел вспомнил, как при свете почти полной луны, стоя на мокром песке, Нинель очень быстро сняла с себя через голову этот самый сарафан…

Точно так же, как когда-то, в подсобке на лодочной станции! Но тогда, сто лет назад, он не посмел даже притронуться к Ниночке, а вчера – ни секунды не медля, крепко прижал ее к себе, затем отстранил и стиснул ее левую грудь, кажется, даже, почувствовал биение сердца, а другой рукой взлохматил шелковистые волосы… Которые вдруг остались у него руке… Все ее волосы – у него руке! А Нинель стала не только голой, но и безволосой, и ее голова в свете почти полной луны вызвала у Павла ассоциацию с бильярдным шаром, который аккуратненько, не касаясь стенок, закатила в лузу соперница такого же безволосого Сфагнума.

Сейчас Павел не смог бы повторить, что именно крикнул, сжимая Ниночкин парик, зато хорошо вспомнил абсолютно лысую голову девушки на фоне желтой луны, свой мимолетный испуг и свое стремительное бегство с мокрого песчаного берега.

И сейчас он, как-то непроизвольно сопоставив вчерашнее бегство с тем далеким бегством из подсобки на лодочной станции, ему стало не то чтобы стыдно перед тогдашней Ниночкой и теперешней Нинель, он как-то сразу понял, что не прав перед этой женщиной и что просто обязан исправить эту неправоту.

– Др-рузья, – сказал он, поднимаясь из-за стола, – пр-рошу извинить, но мне необходимо кое-что обсудить с этой девушкой наедине. Нинель, можно тебя на минуточку?

Она кивнула, улыбнувшись, подошла к Павлу, который взял ее под руку и провел в свою комнату. Дверь закрыла она, даже не закрыла, а захлопнула, – не оборачиваясь, резким ударом каблука. И тут же Павел в третий раз в жизни увидел, как Ниночка ловко, через голову снимает с себя одежду, предоставляя ему любоваться своим идеально-красивым телом. Но теперь она не стала ждать, пока он на что-нибудь решится, а властно обхватила его затылок, дернула к себе и впилась губами в его губы. Поцелуй был злым и коротким. И уже в следующее мгновение Нинель, надавившая на плечи Павла, потянула его вниз, вынудив опуститься на колени и, направляя его голову в нужном ей направлении, азартно закинула одну ногу ему за спину…

* * *

– Что же ты там вытворял, заставив так стонать девушку? – поинтересовался Лёва, после того, как Нинель, забрав грязную посуду, покинула их домик, а Павел, приняв душ, появился в гостиной. – Меня даже завидки взяли, так захотелось на твоем месте оказаться. А Старого Мельника после первого же вскрика, как ветром сдуло. Я даже не понял, чего это он так рванул…

– Я вытворял? Я заставлял? – Павел схватил открытую бутылку вина и жадно приложился к горлышку. – Это не я, а она со мной вытворяла! И как вытворяла!!!

– Ч-черт! Дай-ка! – Лёва выхватил у друга бутылку и тоже сделал несколько глотков из горлышка. – Черт, зачем мы после крепкого алкоголизма на винище-то перешли!

– А я, вроде бы, уже протрезвел…

– Поня-ятно, – деланно вздохнул Лёва. – Слушай, я вновь про Мельника. Он, вроде бы, и при упоминании Триды кривился, и вот теперь как-то неадекватно себя повел…

– Намекаешь, он не под нашим знаменем?

– Судя по всему, с девочками у него проблемы…

– Мне кажется, Мельник нормальный мужик, – не захотел выслушать версию друга Павел. – По первому впечатлению, я бы с ним даже и в разведку пошел.

– Ну, вот завтра и пойдешь.

Не успел Лёва закончить фразу, как завербованный Павлом егерь появился на пороге гостиной.

– Главный судья просил всех участников соревнований собраться в его коттедже через полчаса, – сообщил Мельник. – Обязательно наденьте сапоги…

Казалось бы, лишний раз услышать подробности о предстоящих соревнованиях никому не помешает, но для Павла такие официальные мероприятия давно перестали иметь сколь-либо серьезное значение – все и без собрания было ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.